Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"

Центральный Органъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

№ 81. 23-го декабря 1904 г. Годъ IV.

ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЕСНЫ.

Царскаго „манифеста" ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили царскія „благія начинанія". Сначала говорили, что „вырабатывается" конституція; потомъ — что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами, выбранными земствами; наконецъ — и это была крайняя мѣра политическаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавія — что царь самъ назначитъ новыхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ изъ числа „простыхъ" смертныхъ. И самодержавіе всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель. Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ подъ ногъ россійскаго царизма всѣ „основы", на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, Николай II прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи „неприкѣнно" сохранить „незыблемость основныхъ законовъ имперіи"! Скипетръ уже выпадаетъ изъ его ѣжащихъ рукъ, а онъ все тычетъ въ глаза своимъ „подданнымъ" эту опостылѣвшую имъ игрушку, и на несущіеся со всѣхъ сторонъ крики: „долой самодержавіе!"- отвѣчаетъ тѣмъ, что тѣшится за свою потерянную корону и старается по-прежнему нахлобучить ее на голову! Несчастный забылъ, что во время революціи это — экспериментъ опасный, ибо, когда корона слишкомъ природа къ головѣ, она слетаетъ вмѣстѣ съ головою... Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ „реформъ", которыя обѣщаетъ самодержецъ. Какъ ни туманно выраженъ очертанія этихъ „реформъ" въ указѣ, какъ заботливо ни старается онъ сохранить въ „принципѣ" всѣ прерогативы деспотизма — до положенія объ усиленной охранѣ включительно, но достаточно самодержавію попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ „предначертаній", которыми съ трогательною наивностью пытается дать положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуть въ сторону правового разкрѣпленія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе царизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ „реформъ" не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то преарѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо царскаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ разбора всѣ тѣ великія и святыя милости, которыя сулитъ „отечеству" самодержецъ и которыя еще такъ недавно заставили бы радостно забиться мно гія либеральныя сердца. Событія послѣдняго времени, видно, не совсѣмъ даромъ прошли даже для самыхъ расположенныхъ къ самодержавію душъ.

Мы не будемъ сейчасъ доискаться точнаго смысла и значенія той кучи „преобразованій", которыхъ суждено совершить, по распоряженію высочайшему, нашей „матушкѣ-Россіи". Но стоитъ подчеркнуть, какъ, безсильное во всѣхъ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавіе становится совершенно безнадежнымъ, лишь только задумаетъ налить свое благодѣяніе на самый прогрессивный классъ нашего времени — на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій-же классъ стоитъ какъ самый ярый врагъ, передъ царизмомъ. Казалось бы, всѣ основанія для самодержавія попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумомъ возможныхъ для царизма „уступокъ". Но этотъ „максимумъ" такъ минималенъ, что даже тѣхъ „льготъ", которыя сулились пролетаріату въ блаженную эпоху Зубатовщины, самодержавіе обѣщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12-го декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше „государственнаго страхованія", то есть, не того, что требуетъ пролетаріатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокраловъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующіе извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающіе свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости „страхованія". Обѣщая рабочимъ только такую „льготу", царизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что и онъ уже самъ не мечтаетъ о возможности „примиренія" своего съ пролетаріатомъ. И министерскій лакей Суворинъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что „административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ", во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ той „благомыслящей части общества", на „сочувствіе" которой можетъ разсчитывать царь.

Высочайшія „реформы"! Царское правительство позаботилось обставить возвѣщеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету упованій на самодержца. Рядъ предостереженій и пристановокъ газетъ, высочайшій „разносъ" сенатскихъ „бестактныхъ" земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ — вотъ ходовъ былъ канунъ „предначертаній", обѣщающихъ русскому народу „разумную" свободу печати, „самостоятельность" и „неизвѣстность" земствъ, охрану „неприкосновенности" личности! А появившійся на слѣдующій же день послѣ указа нахальный циркъ „правительственнаго сообщенія" показалъ съ достаточной степенью враумительности ту обстановку, въ которой предполагается проводить царскія „реформы", и тѣ мѣры, которыя правительство думаетъ обезвечить себѣ „сочувствіе", какъ требуетъ „сочувствія благомыслящей части общества". Сообщеніе откровенно поясняетъ, что и земства и думы, и общества и собранія, и молодежь, и печать и частныя лица и дѣятели мѣстнаго самоуправленія, и даже „лица, состоящія на государственной службѣ" — все это относится къ разряду „не благомыслящихъ". Усвоивая себѣ всю программу „Московскихъ Вѣдомостей" по части искорененія „вольнаго духа", правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣпила обманчивыми призраками, только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя"! И ненавидя и насчетъ „пользы" враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣятелей освободительнаго движенія „народъ", которому будто бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія". Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ „народъ" царское правительство: вчерашніе громилы Кишиневскихъ евреевъ еще разъ могутъ сослужить службу отстаиванія „священныхъ завѣтовъ". А въ Тамбовѣ, „помазанникъ божій" уже двинулъ въ походъ противъ „неблагомыслящихъ" шайку хулигановъ. Какъ ни чудовищно на первый взглядъ Тамбовщиненіе но, въ сущности, можно было предвидѣть что правительство такъ же мало остановится передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное „неблагомысліе", какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на „неблагомысліе" еврейское. Совѣты Гринмутовъ, душегубскіе про ты Пазловыхъ и Куьминыхъ, „вандейскія" предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ [illegible] „контрѣ", которое обѣщано было „голосу общества". [illegible] правительственное сообщеніе есть не только угроза административными и судебными карами, но и прямое поощреніе къ расправѣ съ „врагами". Изъ каждой строчки его за [illegible] говоритъ: „бей либераловъ и соціалистовъ", призываетъ [illegible] по своему истинному смыслу съ столь недавними [illegible] Подонки „образованнаго" общества, въ лицѣ Х [illegible] „Русскаго собранія", въ своей „всеподданѣйшей [illegible] уже предлагаютъ свои услуги — „стать во [illegible] общерусскаго всесословнаго движенія, отстаивающаго [illegible] существующее положеніе православія и неприкосновенность самодержавія", и грозятъ „однимъ мощнымъ потокомъ смыть [illegible] нашей общественной жизни". Этимъ пресмыкающимся [illegible] кажется все, что россѣетъ выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно барахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы самодержавіе для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регаліями въ одной рукѣ и лоскутомъ бумаги, на которой [illegible] черкнулъ царь, въ другой, выступаетъ оно въ походъ на защиту „незыблемыхъ основъ".

Во имя „реформъ" самодержавіе уже не можетъ собрать во кругъ себя внутренней силы, ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя царизма. Но во имя „Кишинева", подъ „священный стягъ" могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отжившіе и жадно цѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ возложена миссія — „охранять священные завѣты предковъ".

Можно заранѣе предвидѣть, что „предначертанія" указа 12 декбря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ, съ которыми попытается еще выступить прижатый къ стѣнѣ самодержецъ. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на которомъ возложено проведеніе „реформъ" въ жизнь, поднимете вопросъ о привлеченіи къ своимъ „работамъ" въ той или иной формѣ дѣятелей, общественныхъ довѣрямъ облеченныхъ", на даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иныя „либеральныя" преобразованія Государственнаго Совѣта. И если „указъ" врядъ-ли соблазнитъ многихъ изъ малыхъ сихъ, таящихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ „единеніи царя съ народомъ", то труднѣе получаться за стойкость „умѣренныхъ", когда правительство будетъ предлагать „обществу" привлечное „участіе" въ законодательствѣ, хотя-бы это „участіе" было ничтожнымъ, какъ помощью въ дѣлѣ „укрывательства слѣдовъ преступленія" царизма.

И на сей возможный случай нельзя не порадоваться, что при первомъ-же шагѣ на пути къ „реформамъ" царское правительство такъ ясно оскалилось своимъ волчьи зубы и замахнется [illegible] всѣмъ, не [illegible] нагайкой. Въ эпоху „весенняго" [illegible] много лицъ, сильныхъ отцовъ и крикливыхъ дѣтей [illegible] такъ или иначе [illegible] своей подписью, [illegible] „лояльность" и громко требовать [illegible] Конечно, на политическую доблесть и стойкость огромной [illegible] передъ нами за послѣднее время отечественныхъ Мирабо возлагать большихъ надеждъ нельзя. Но если не политическій разумъ и не гражданская добродѣтель, то чувство личнаго самосохраненія должно внушить всему этому люду пониманіе необходимости не поддаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго царизмомъ. Привѣтливое киваніе царскаго указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго сообщенія, что безъ особой остроты разума любому Мирабо легко сообразить, какіе скорпіоны ждутъ его, если самодержавіе выйдетъ побѣдителемъ изъ возгорѣвшейся борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть" самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ безпощадностью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ самодержавіе, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться въ самомъ началѣ этого пути. Исторія австрійской контръ-революціи, исторія Муравьевскаго крестоваго похода въ Польшѣ показываетъ, куда пойдетъ затравленное царское правительство. Сегодня, по его почину, тамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, сѣраго рабочаго — на либеральнаго фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатаціей всѣхъ тѣхъ иллюзій, которыя, въ первобытно-наивной формѣ, сливались съ архаическими идеалами варварской эпохи — православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непросвѣтленномъ свѣтомъ политическаго сознанія душѣ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война зальетъ пожаромъ и кровью деревня и города. Всероссійскій Кишиневъ — вотъ что сулитъ Россіи самодержавіе. А когда напуганные „высшіе" классы покорно припадутъ къ стопамъ самодержца, тогда придетъ черередь народу кровью расплачиваться за разбивающіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освѣщенное демагогическимъ крещеніемъ самодержавіе возвеется надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ самодержавія. Или, вѣрнѣе, все это могло-бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетаріата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ пойти на уловку самодержавныхъ демагоговъ, который знаетъ, что только черезъ развалины царскаго трона онъ можетъ выйти на путь борьбы за соціальное освобожденіе. И эту твердую, увѣренную поступь пролетаріатъ могъ дать пролетаріату только ростъ его *классоваго* сознанія, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой соціалъ-демократіи удастся стать во главѣ освободительнаго движенія и подчинить своему вліянію всѣ освободительныя силы, ровно въ той мѣрѣ становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойниковъ самодержавія, и тѣ попытки разжиганія гражданской войны, къ которымъ они прибѣгнутъ, палутъ на ихъ-же голову.

Гражданская война подъ знаменемъ демагогіи и во имя дѣла ристкаго возрожденія самодержавія, или демократическая революція — на этомъ распутіи стоитъ теперь страна.

Рабочій классъ не заставитъ себя долго ждать: чуткое ухо уже слышитъ приближающійся мѣрный шагъ рабочей арміи, идущей на безпощадный бой съ царизмомъ. Самодержавіе тоже напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы отстоять свои позиціи, и безъ бою не сдается. А посреда этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется до сихъ поръ въ нерѣшительности либерально-демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы, тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи принимать опредѣленно ту той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показалъ примѣръ Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоупраздненіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местью съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея „крайними" демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную самодержавіемъ, со всѣми ея варварствомъ и со всѣми ея реакціонными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи — вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отнять отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу самодержавія, или отказъ отъ политическихъ привилегій въ пользу народа — вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Преисполненный сознанія величія своей историческої миссіи, можетъ смотрѣть рабочій классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ возвышается утесъ, о который разобьются волны реакціи. Наслѣдію самодержавныхъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ — свѣтъ классовой сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ жгучей росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе броситъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и безповоротно принять демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчать замыслы самодержавныхъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на „потокъ и разграбленіе". Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ самодержавіемъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа!

МАССОВАЯ СТАЧКА ВЪ БАКУ.

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась въ „всеобщую забастовку. Газеты не выходятъ, тяжкое сообщеніе прервано...

То, что начъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не является случайнымъ. Уже давно бакинскій пролетаріатъ порывается снова [illegible] на [illegible] по 1903-году средству рѣшительнаго воздѣйствія на своихъ [illegible] Онъ [illegible] въ маѣ-іюнѣ или [illegible] годъ, то безсознательно, [illegible] выражая [illegible] „всеобщей [illegible] — это стремленіе. Образовавшаяся недавно организація „бакинскихъ и бейлаганскихъ рабочихъ" (отдѣлившаяся отъ партійнаго комитета — надо надѣяться, не на долго — въ силу очень обострившихся организаціонныхъ разногласій), начала свою агитаціонную дѣятельность горячимъ призывомъ готовиться ко „всеобщей забастовкѣ", какъ средству, которымъ пролетаріатъ положитъ конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціи, выпущенная ею по поводу „весенняго" разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ — въ формѣ всеобщей стачки — исторгнуть отъ самодержавія удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принялъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ царь подписалъ свой „указъ" о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать самодержавію и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ *создавшагося*, съ окончаніемъ царской „весны", политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: *переговоры царизма съ „обществомъ" кончились, время заговорить народу!*

Каковы бы ни были дальнѣйшіе перепетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящихъ условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характеръ *политическаго* протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка — каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ — сыграетъ значительную *антиціонную* роль и дастъ, наряду съ недавними демонстраціями въ Одессѣ Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчекъ переходу потенціальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый починъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытанныхъ однажды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для ближайшаго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ россійскаго пролетаріата высшей революціонной активности. Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ жгучую потребность вступить въ рѣшительный бой съ своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно революціонная инициатива, только глубоко продуманная тактика позволятъ соціалъ-демократической партіи содѣйствовать тому, чтобы новый „стихійный" подъемъ революціонной энергіи массъ превратился въ тотъ „девятый валъ", который сметъ царизмъ.

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово, послѣ того какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно громко, какъ революціонный призывъ, раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни и организованный соціалъ-демократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложитъ свое вліяніе на ходъ переживаемаго страной политическаго кризиса.

Въ странѣ, потрясенной до самыхъ глубинъ разыгрывающейся политической драмой; въ моментъ, когда всѣ жизне-способные элементы всѣхъ классовъ готовы ухватиться за всякой формѣ политическаго протеста, — въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при по-

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ

Центральный Органъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи.

№ 81. 23-го декабря 1904 г. Годъ IV.

ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЕСНЫ.

Царскаго „манифеста" ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили царскія „благія начинанія". Сначала говорили, что „вырабатывается" конституція; потомъ — что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами, выбранными земствами; наконецъ — и это была крайняя мѣра политическаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавія — что царь самъ назначитъ новыхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ изъ числа „простыхъ" смертныхъ. И самодержавіе всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель. Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ подъ ногъ россійскаго царизма всѣ „основы", на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, Николай II прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи „непремѣнно" сохранить „неизбѣлность основныхъ законовъ имперіи"! Скипетръ уже выпадаетъ изъ его мѣнѣющихъ рукъ, а онъ все тычетъ въ глаза своимъ „подданнымъ" эту опостылѣвшую имъ игрушку, а на несущіеся со всѣхъ сторонъ крики: „долой самодержавіе!"- отвѣчаетъ тѣмъ, что тѣшится за свою потухшую корону и старается по-прежнему нахлобучить ее на голову! Несчастный забылъ, что во время революціи это — экспериментъ опасный, когда корона слишкомъ природа къ головѣ, она слетаетъ вмѣстѣ съ головою... Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ „реформъ", которыя обѣщаетъ самодержецъ. Какъ ни туманно выражены очертанія этихъ „реформъ" въ указѣ, какъ заботливо ни старается онъ сохранить въ „принципѣ" всѣ прерогативы деспотизма — во положеніи объ усиленной охранѣ включительно, но достаточно самодержавію попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ „предначертаній", которыми съ трогательною наивностью пытается дать положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуть ихъ въ сторону правового разкрѣпощенія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе царизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ „реформъ" не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то прекрѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо царскаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ разбора всѣ тѣ великія и благія милости, которыя сулитъ „отечеству" самодержецъ и которыя еще такъ недавно заставили бы радостно забиться мои либеральныя сердца. Событія послѣдняго времени, видно, не хотѣли даромъ пройти даже для самыхъ расположенныхъ къ самодержавію душъ.

Мы не будемъ сейчасъ доказывать точность смысла и значенія той кучи „преобразованій", которымъ суждено осѣсть, на радость и пасмурное нынѣ самодержавной Россіи. Но стоитъ подвинуть, какъ, безсильное въ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавіе станетъ совершенно безвреднымъ, лишь только захочетъ пялить оно благодѣяніи на самый прогрессивный классъ нашего времени — на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій-же классъ стоитъ, какъ самый ярый врагъ, передъ царизмомъ. Казалось бы, всѣ основанія для самодержавія попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумомъ возможныхъ для царизма „уступокъ". Но этотъ „максимумъ" такъ миниманенъ, что даже тѣхъ „льготъ", которыя сулились пролетаріату въ блаженную эпоху Зубатовщины, самодержавіе обѣщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12-го декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше „государственнаго страхованія", то есть, не того, что требуетъ пролетаріатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокраловъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующіе извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающіе свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости „страхованія". Обѣщая рабочимъ только такую „льготу", царизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что и онъ уже самъ не мечтаетъ о возможности „примиренія" своего съ пролетаріатомъ. И министерскій лакей Суворинъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что „административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ той „благомыслящей части общества", на „сочувствіе" которой можетъ разсчитывать царь.

Высочайшія „реформы"! Царское правительство позаботилось оставить возвышеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету упованій на самодержца. Рядъ предостереженій и пристановокъ газетъ, высочайшій „разносъ" державнихъ и бестактныхъ земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ — вотъ какова былъ канунъ „предначертаній", обѣщавшихъ русскому народу „разумную" свободу печати, „самостоятельность" и „неприкосновенность" земствъ, охрану „неприкосновенности" личности! А появившійся на слѣдующій же день послѣ указа начальный окрикъ „правительственнаго сообщенія" показалъ съ достаточной степенью правдивости ту обстановку, въ которой предполагается проводить царскія „реформы", и тѣ мѣры, которыми правительство думаетъ обезвечить себѣ „сочувствіе" указъ требуетъ „сочувствія благомыслящей части общества". Сообщеніе откровенно поясняетъ, что и земства и думы, и общества и собранія, и молодежь, и печать и частныя лица и обители мѣстнаго самоуправленія, и даже „лица, состоящія на государственной службѣ" — все это относится къ разряду „не благомыслящихъ". Усвоивши себѣ всю программу „Московскихъ Вѣдомостей" по части искорененія „вольнаго духа", правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣплена обманчивыми призраками, только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя"! И инсинуируя насчетъ „пользы" враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣятелей освободительнаго движенія „народъ", которому будто бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія". Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ „народъ" царское правительство: вчерашніе громилы Кишиневскихъ еврейскихъ погромовъ, еще разъ могутъ послужить службу для отстаиванія „священныхъ завѣтовъ". А въ Тамбовѣ, „не знавшихъ боязни" уже двинулъ въ походъ противъ „небывалаго эксцесса" шайку хулигановъ. Какъ ни чудовищенъ на первый взглядъ Тамбовщинскій поворотъ къ сущности, можно быть увѣреннымъ, что правительство такъ же мало остановится передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное „нелояльное", какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на „нелояльное" еврейское. Совѣты Гриншутовъ, душегубское про-ты Пазловыхъ и Кузьминыхъ, „вандейскія" предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ сферахъ то „довѣріе", которое обѣщано было „голосу общества". И послѣднее правительственное сообщеніе есть не только угроза административныи и судебными карами, но и прямое поощреніе къ расправѣ съ „врагами". Изъ каждой строчки его зарычалъ: „бей либераловъ и соціалистовъ", призывъ, такой по своему истинному смыслу, съ столь недавнихъ: „Долонія „образованнаго" общества, въ лицѣ Х-скаго отдѣла „Русскаго собранія", въ своей „всеподданнѣйшей" адресаціи уже предлагаютъ свои услуги — „стать во главѣ общерусскаго всесословнаго движенія, отстаивающаго первостепенное положеніе православія и неприкосновенность самодержавія", и грозятъ „однимъ мощнымъ потокомъ смыть плѣсень нашей общественной жизни". Этимъ пресмыкающимся плѣсенью кажется все, чторостетъ выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно барахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы самодержавіе для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регаліями въ одной рукѣ и лоскутомъ бумаги, на которой гнилыми чернилами напарпаны проекты „реформы"—въ другой, выступаетъ оно въ походъ на защиту „незыблемыхъ основъ".

Но имя „реформъ" самодержавіе уже не можетъ собрать ни кругъ себя внушительной силы; ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя царизма. Но во имя „Кишинева", подъ „священный стягъ" могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отпрядающіе и жадно цѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ положена миссія — „охранять священные завѣты прежняго".

Можно заранѣе предсказать, что „предначертанія" указа 12 декбря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ, съ которыми попытается еще выступить прижатый къ стѣнѣ самодержецъ. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на который возложено проведеніе „реформъ" въ жизнь, поднимете вопросъ о привлеченіи къ своимъ „работамъ" въ той или иной формѣ „дѣятелей, общественныхъ довѣрямъ облеченныхъ", ни даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иныя „либеральныя" преобразованія Государственнаго Совѣта. И если „указъ" врядъ-ли соблазнитъ многихъ изъ малыхъ сихъ, таящихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ „единеніи царя съ народомъ", то трудно поручиться за стойкость „умѣренныхъ", когда правительство будетъ предлагать „обществу" призрачное „участіе" въ законодательствѣ, хотя бы это „участіе" было ничѣмъ инымъ, какъ помощью въ дѣлѣ „укрываетельства слѣдовъ преступленія" царизма.

И на сей возможный случай дѣлая не порадоваться, что при первомъ-же шагѣ на пути къ „реформамъ" царское правительство такъ ясно оскалилъ свои волчьи зубы и замахнулся [illegible]

[illegible] ных [illegible] так или иначе съ своей подписью [illegible] громко требуетъ [illegible] тическую доблесть [illegible] передъ нами за поведеніе [illegible] отъ честныхъ. Мирно [illegible] лагать большихъ надеждъ нельзя. Но если не политическій разумъ и не гражданская добродѣтель, то чувство личнаго самосохраненія должно внушить всему этому люду понимание необходимости не поддаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго царизмомъ. Привѣтливое киваніе царскаго указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго сообщенія, что безъ особой остроты разума любому Марабо легко сообразить, какіе скорпіоны ждутъ его, если самодержавіе выйдетъ побѣдителемъ изъ возмущавшейся борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть" самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ безпастѣнчивостью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ самодержавіе, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться на самомъ началѣ этого пути. Изъ исторіи австрійской контръ-революціи, исторіи Муравьевскаго крестоваго похода въ Польшу показываетъ, куда пойдетъ заправленное царское правительство. Сегодня, по его почину, тамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, съ рано рабочаго — на либерального фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатацией всѣхъ тѣхъ иллюзій, которыя, въ первобытно-наивной формѣ, сливались съ архаическими идеалами варварской эпохи — православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непроявленной сознаніемъ политическаго сознанія душѣ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война залитъ пожарами и кровью деревни и города. Всероссійскій Кишиневъ — вотъ что сулитъ Россіи самодержавіе. А когда напуганные „высшіе" классы покорно приклонутъ къ стопамъ самодержца, то придетъ черередь и народу кровью расплачиваться за разбившіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освѣщенное фанатическимъ пожарищемъ самодержавіе возчествуетъ надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ самодержавія. Или, вѣрнѣе, все это могло бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетаріата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ войти на уловку самодержавныхъ немногихъ, которые знаютъ, что только черезъ развалины самодержавнаго трона онъ можетъ выйти на путь борьбы за социалистическое освобожденіе. И эту твердую увѣренность онъ будетъ черпать въ томъ, что пролетаріату только рость его *классовое* сознаніе, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой соціалъ-демократія участія стать во главѣ сознательнаго движенія и помчится самому единому и всѣ дѣйствительныя силы, рожденныя той мірѣ становятся несущественными и кровожадные замыслы разбойниковъ самодержавія и ихъ попытки развязанія гражданской войны, въ которыхъ они прибѣгнутъ, залуть на ихъ же голову.

Гражданская война, къ которой [illegible] рветъ самодержавіе, неизбѣжна, или демократическая революція [illegible] стоитъ передъ страна.

Рабочій классъ не можетъ себѣ долго ждать. Онъ уже слышитъ приближеніе мірный шагъ рабочей армии идущей на безпощадный бой съ царизмомъ. Самодержавіе готовитъ всѣ силы, чтобы отстоять свои позиціи и бьетъ бою не сдается. А впереди этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется [illegible] ныхъ [illegible] демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи принимать опредѣленно ту той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показалъ примѣръ Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоупраздненіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местью съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея „крайними" демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную самодержавіемъ, со всѣми ея варварствомъ и со всѣми ея реакціонными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи — вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отказъ отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу самодержавія, или отказъ отъ политическихъ привилегій въ пользу народа — вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Преисполненный сознанія величія своей исторической миссіи, можетъ смотрѣть рабочій классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ воздвигнетъ утесъ, о который разобьются волны реакціи. Насилію самодержавныхъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ — свѣтъ классоваго сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ живительной росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе бросилъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить вѣчную двусмысленность, пора открыто и безповоротно признать демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчить замыслы самодержавныхъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на „потокъ и разграбленіе". Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ самодержавіемъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа!

МАССОВАЯ СТАЧКА ВЪ БАКУ.

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась въ „всеобщую забастовку. Газеты не выходятъ, трамвайное сообщеніе прервано...

То, что намъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не *является* случайнымъ. [illegible] бакинскій пролетаріатъ порывается снова [illegible] водъ [illegible] на [illegible] въ маѣдѣ или автомашинахъ [illegible] выпущенная [illegible] ко „всеобщей забастовкѣ", какъ средству, которымъ пролетаріатъ положитъ конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціи выпущенная ею по поводу „весенняго" разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ — въ формѣ всеобщей стачки — исторгнуть отъ самодержавія удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принялъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ царь подписалъ свой „указъ" о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать самодержавію и его либеральному противнику, что недушевя между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того чтобы почеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ создавшагося, съ окончаніемъ царской „весны", политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: *переговоры царизма съ „обществомъ" кончились, время заговорить народу!*

Каковы бы ни были ближайшія перепетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящихъ условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характеръ *политическаго* протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка — каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ — сыграетъ значительную *антиправительственную* роль и дастъ, наряду съ незавими демонстраціями въ Одессѣ Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчекъ переходу потенціальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый починъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытанного однажды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для ближайго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ россійскаго пролетаріата высшей революціонной активности. Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ жгучую потребность встушить въ рѣшительный бой съ своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно революціонная инициатива, только глубоко продуманная тактика поведутъ соціалъ-демократическую партію содѣйствовать тому, чтобы новый „стихійный" подъемъ революціонной энергіи массъ превратился въ тотъ „девятый валъ", который сметаетъ царизмъ.

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово, послѣ того какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно прозвучать, какъ революціонный призывъ раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни и организованный соціалъ-демократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложить свое вліяніе на ходъ переживаемаго страной политическаго кризиса.

Въ странѣ, потрясенной отъ самыхъ глубинъ, назрѣвающейся политической драмой, въ моментъ, когда всѣ жизнеспособные элементы всѣхъ классовъ готовы [illegible] всякой формѣ политическаго протеста, — въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при по-

средствъ котораго онъ дастъ сильный толчокъ революціонному развитію событій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, „активную“ стачку, не слѣдующую искусственно своего революціонного эффекта однимъ лишь экономическимъ давленіемъ прекращенія работы, но усиливающую этотъ эффектъ всѣми видами открытаго „уличнаго“ протеста. Вотъ почему мы съ надеждой смотримъ на бакинскую стачку.

Мы ограничиваемся здѣсь этими бѣглыми замѣчаніями, чтобы вернуться еще къ данному вопросу, когда получатся болѣе полныя свѣдѣнія о бакинской стачкѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изъ Москвы намъ пишутъ:

За короткій періодъ либеральной „весны“, въ теченіе котораго оппозиціонное движеніе русскаго „общества“ могло проявиться болѣе или менѣе активно, можно было замѣтить очень сильное развитіе этого движенія. Въ печати то и дѣло появлялись отчеты о банкетахъ, на которыхъ высказывались тѣ или иныя, болѣе или мѣнѣе либеральныя пожеланія. Въ дѣйствительности, это оппозиціонное движеніе развилось и развивается гораздо шире и глубже, чѣмъ можно объ этомъ заключить изъ газетъ.

Чтобы выяснить значеніе этого движенія,—а это очень важно,—нужно опредѣлить тѣ элементы, изъ которыхъ оно составляется. Эти элементы чрезвычайно разнообразны. Уже по составу лицъ, участвующихъ на банкетахъ, можно видѣть, что тутъ встрѣчаются разнообразные, почти не соединимые элементы „общества“: купцы, земцы, представители свободныхъ профессій — доктора, адвокаты, интеллигентный пролетаріатъ въ видѣ временныхъ и постоянныхъ статистиковъ, мелкихъ служащихъ и т. д. Эта смѣсь людей различнаго состоянія и различнаго общественнаго положенія обусловливается, несомнѣнно, отсутствіемъ въ этой средѣ оформившихся политическихъ партій. „Въ темнотѣ всѣ кошки сѣры“. Отсутствіе политической жизни сказывается не только въ томъ, что для людей различныхъ положеній нѣтъ почвы для взаимной политической борьбы, вытекающей изъ различія интересовъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, но и въ полной неопредѣленности политическихъ стремленій и надеждъ. Поэтому, между демократическимъ и собственно либеральнымъ движеніемъ нѣтъ никакой границы, да, вѣроятно, и не будетъ, пока либерализмъ не почувствуетъ себя въ нѣкоторой степени удовлетвореннымъ. Только тогда либеральные земцы, купцы и др. представители либерализма будутъ и на демократовъ смотрѣть, какъ на безпокойныхъ людей, мѣшающихъ имъ „работъ“, теперь же между тѣми и другими существуетъ полное и трогательное согласіе... Демократическая часть оппозиціоннаго общества старается не только оформить движеніе, но и придать ему демократическій оттѣнокъ: эта наиболѣе активная и политически наиболѣе зрѣлая группа среди неоформившейся оппозиціонной массы. Поэтому, ей до сихъ поръ почти всегда удавалось придавать оппозиціонному движенію тотъ характеръ, какой она желаетъ: бюрократическій гнетъ такъ сталъ чувствителенъ для всѣхъ, что пока всѣ разнохарактерные оппозиціонные элементы идутъ дружно вмѣстѣ. Нужно прибавить къ этому, что демократы, въ свою очередь, придерживаются тактики „приспособленія“ къ преобладающему настроенію, отчасти въ утопической надеждѣ увести движеніе за собою на путь демократизма, отчасти потому, что безъ „вліятельныхъ общественныхъ элементовъ“ они безсильны. Волей-неволей, демократамъ приходится въ рѣчахъ *говорить* о всеобщемъ тайномъ, прямомъ избирательномъ правѣ, а въ резолюціяхъ банкетовъ умалчивать объ этомъ.

Немногіе изъ демократовъ обнаруживаютъ настолько политической дальнозоркости, что предвидятъ разрывъ между либеральнымъ и демократическимъ движеніемъ. Большинство надѣется „вести общество за собой“ и рискуетъ быть увлеченнымъ „общественными элементами“ на путь компромиссовъ, несовмѣстимыхъ съ демократическими резолюціями.

Впрочемъ, не будемъ заниматься предсказаніями, хотя и есть данныя для того, чтобы предвидѣть дальнѣйшую эволюцію демократовъ и либераловъ.

Къ сожалѣнію, значительная часть демократовъ, если не большинство, стремятся доказать „вѣчно-то“ этого союза различныхъ элементовъ и въ современныхъ политическихъ условіяхъ находятъ благопріятную почву для такой пропаганды. Въ особенности объ этомъ стараются „идеалисты“: Какъ я уже замѣтилъ, оппозиціонное движеніе политически не оформилось и разсуженія о „чистомъ либерализмѣ“ находятъ благосклонныхъ слушателей среди разнообразныхъ слоевъ общества именно потому, что еще не выступилъ наружу политическій антагонизмъ этихъ слоевъ. Нужно думать, что въ ближайшемъ будущемъ положеніе выяснится. Теперь начинаютъ выступать на политическую арену биржевые комитеты, городскія думы и т. д., которые на своемъ знаменіи пишутъ и будутъ писать „имущественный цензъ!“

Пока „цензовые“ господа хотя и благосклонно, но съ опасѣніемъ „за политическій тактъ“, посматриваютъ на неимѣющихъ цензъ политическихъ дѣятелей. Успѣхъ демократовъ среди городской буржуазіи, какъ я упомянулъ, создастъ благопріятную почву для пропаганды „чистаго“ наиклассоваго либерализма. Это въ области теоріи. На практикѣ этотъ успѣхъ выразится въ многочисленныхъ заявленіяхъ съ большимъ количествомъ подписей о присоединеніи къ требованіямъ земскаго съѣзда. Вѣроятно, къ январю мѣсяцу такія заявленія будутъ покрыты десятками тысячъ подписей.

Сочувственное отношеніе къ болѣе крайнимъ „безцензовымъ“ политическимъ [illegible] со стороны либеральныхъ слоевъ выразилось пока въ [illegible] фактахъ: въ протестѣ литераторовъ, протестѣ изъ-за демонстрантовъ въ Петербургѣ, въ такомъ же протестѣ по тому же поводу въ Москвѣ, въ сочувственной встрѣчѣ [illegible] земскомъ банкетѣ революціи 1000 человѣкъ рабочихъ и интеллигентовъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права и прекращенія войны и т. д. На сколько далеко пойдетъ и долго ли продержится это сочувствіе—трудно сказать, возможно, что до тѣхъ поръ, пока правая оппозиціоннаго движенія не будетъ удовлетворена.

Нужно замѣтить, что оппозиціонное движеніе, подъ вліяніемъ текущихъ событій, [illegible] все болѣе и болѣе влѣво. Совершенно безаплодно было бы [illegible] рѣшеніемъ вопроса о томъ, какую роль въ этомъ [illegible] сыграли демократы, какую роль — текущія событія. Все развитіе оппозиціоннаго движенія вполнѣ „законосообразно“ и правильно: на лѣвую демократическую давить своей непримиримостью крайняя лѣвая—соціалъ-демократія. Первая въ свою очередь толкаетъ влѣво либеральное движеніе. Къ послѣднему примыкаютъ все болѣе и болѣе политически неоформившіеся слои городской буржуазіи. Среди городского мѣщанства оппозиціонное движеніе на столько еще не оформилось, что въ большинствѣ случаевъ выражается въ видѣ недовольства тѣми или иными непорядками...

Вѣроятно, сильный толчокъ для политическаго сознанія городской буржуазіи и земства далъ отвѣтъ правительства на ходатайство московской городской думы, черниговскаго земскаго собранія и саратовской думы.

Ф.

* * *

Происходившія уже сессіи губернскихъ земскихъ собраній прошли менѣе ярко, чѣмъ того можно было ожидать на основаніи земскаго дебюта 6—9 ноября. Въ общемъ и цѣломъ, поведеніе земцевъ окрашено тѣмъ же политиканствомъ, которое и прежде парализовало оппозиціонную силу земскаго движенія. Только Вятское земство рѣшилось прямо и открыто признать свою солидарность съ постановленіями земскаго съѣзда. Кромѣ него, конституціонныя рѣшенія еще приняты Полтавскимъ, Черниговскимъ, Московскимъ, Калужскимъ и Смоленскимъ земствами (въ видѣ „всеподданнѣйшихъ адресовъ“). Слѣдуетъ отмѣтить протестъ тамбовскихъ гласныхъ противъ ввода полиціи въ зданіе собранія и отказъ московскихъ и черниговскихъ земцевъ отъ продолженія сессіи послѣ ознакомленія съ правительственнымъ сообщеніемъ 15 декабря. Черниговскіе земцы разъѣхались, не заключивъ смѣты. Московскіе отсрочили на неопредѣленное время свои засѣданія, мотивируя тѣмъ, что „вновь полученные сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ“, они не находятъ въ себѣ „должнаго спокойствія для продолженія своихъ занятій“. Логическимъ слѣдствіемъ изъ такого поведенія должна быть — *общая стачка* земствъ, отказъ ихъ отъ выполненія своихъ функцій. Но такая стачка въ томъ лишь случаѣ могла бы сыграть роль крупнаго политическаго событія, если бы требованія, выставленныя въ земскихъ адресахъ и ходатайствахъ, носили достаточно *демократическій* характеръ.

* * *

Знаменательнымъ въ нынѣшнемъ конституціонномъ движеніи слѣдуетъ признать активное участіе въ немъ нѣкоторыхъ [illegible] Московской городской думы, присоединеніе къ ней Московскаго биржевого комитета, аналогичныя, хотя и разбившіяся о трусость гласныхъ, попытки Петербургской и Саратовской думъ и активное участіе въ „банкетномъ“ движеніи такихъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ буржуазными верхами, корпорацій, какъ инженеры и присяжные повѣренные — все это свидѣтельствуетъ еще разъ о томъ, что развитіе общественной жизни у насъ движется въ томъ же направленіи, въ какомъ оно шло „на Западѣ“ въ соотвѣтствующій эпохи. Буржуазное преобразованіе общества заканчивало собой длительный процессъ, начальные моменты котораго заставили промышленную буржуазію въ состояніи политическаго индифферентизма. Идеологи „интеллигенты“ и приспособляющіеся къ новымъ условіямъ обломки стараго привиллегированнаго сословія, обладающіе нашь большимъ политическимъ воспитаніемъ, лишь постепенно устуцали въ освободительномъ движеніи руководящую роль купцамъ и промышленникамъ. Когда же сама промышленная и торговая буржуазія перейдетъ въ свои руки, знамя буржуазнаго прогресса, это означаетъ уже, что для стараго порядка сочтены. Но это же значитъ, что на лицо имѣется новый „хозяинъ жизни“, который приведетъ къ одному буржуазному знаменателю идеалистическія иллюзіи либераловъ и демократовъ.

Появленіе на политической сценѣ „солидныхъ“ круговъ буржуазіи должно дать новый и сильный толчокъ „европеизаціи“ нашего либерального движенія, освобожденію его отъ примѣсей дворянски-сословныхъ и народническихъ идеалистическихъ элементовъ.

* * *

Оффиціально признано, что въ „императорскомъ“ Красномъ Крестѣ грабятъ. Въ дѣло должна была вмѣшаться прокуратура. Оффиціозно признано, что вѣрны разоблаченія капитана Кладо о негодности русскаго флота, о хищническомъ хозяйствѣ въ этомъ почтенномъ учрежденіи. Осталось неопровергнутымъ утвержденіе газетныхъ обличителей, что манчжурская армія ходитъ безъ сапогъ и почти безъ бѣлья и что интендантство дастъ заказы завѣдомымъ мошенникамъ, изготовляющимъ никуда не годную амуницію. Ни одна монархія еще не уходила съ исторической сцены, покрытая такимъ позоромъ. И въ то же время ни одна монархія, такъ явно пережившая самое себя, такъ очевидно разложившаяся заживо, не имѣла въ такой степени возможности гальванизировать свои силы подверженіемъ „цивилизованнаго человѣчества“.

Объявленіе о новомъ внѣшнемъ займѣ въ 230 милл. рублей показываетъ, что, несмотря на колоссальное паденіе своего престижа, Романовская династія еще нужна всемірной буржуазной реакціи. Эксплуатація русскаго національнаго несчастія міровымъ капиталомъ еще не положенъ конецъ и, внѣ всякаго сомнѣнія, успѣшное заключеніе переговоровъ о займѣ подсказало самодержавію его послѣдніе реакціонные шаги. Ненужное уже ни одному классу въ собственномъ отечествѣ, царизмъ еще кое кому нуженъ въ Европѣ.

Это обстоятельство, отсрочивая снова и снова моментъ, когда Россія сброситъ съ себя цѣпи абсолютизма, тѣмъ самымъ все болѣе запутываетъ политическую задачу, которую приходится рѣшать буржуазному обществу. Чтобы преодолѣть историческую реакціонную силу, концентрирующуюся въ царскомъ абсолютизмѣ, необходимо развить максимумъ силы революціонной.

ГОЛОСА ПЕЧАТИ

∞ Кто „настоящій хозяинъ страны“?

„Освобожденіе“ говоритъ:

„Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что съѣздъ 6 ноября составитъ эпоху въ исторіи политическаго развитія Россіи... *Въ первый разъ* ясно, твердо и открыто заговорилъ настоящій хозяинъ страны — общественное мнѣніе“. (№ 60, курс. нашъ).

Такимъ образомъ „настоящимъ хозяиномъ страны“ объявлено мнѣніе сотни земскихъ нотаблей. А „мнѣніе“ революціонной массы, тѣ лозунги, вокругъ которыхъ она объединяется въ своихъ политическихъ выступленіяхъ, однимъ нагляымъ росчеркомъ вычеркнуты изъ состава „общественнаго мнѣнія“.

Привѣтствуя въ 1902 г. цензовую программу русскихъ конституціоналистовъ, г. Струве видѣлъ въ ней „первый важный опытъ практической и въ то же время выдержанно-принципіальной формулировки ближайшихъ задачъ освободительнаго движенія въ Россіи“. Съ тѣхъ поръ утекло много воды на страницахъ „Освобожденія“, и г. Струве успѣлъ уже сдѣлаться „демократомъ“, т. е. успѣлъ два или три раза назвать себя этимъ именемъ. Но стоило невнятно, безхарактерно и крадучись заговорить земскимъ отцамъ, чтобы „демократическое“ ухо г. Струве немедленно распознало „ясный, твердый и открытый“ голосъ „настоящаго хозяина страны“.

∞ „Рев. Рос.“ тоже вѣритъ, что въ свое „равенство политическихъ правъ“ земскій съѣздъ вложилъ идею всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, — или, какъ органъ „блока“, она считаетъ себя обязаной дѣлать, по крайней мѣрѣ, видъ, что вѣритъ этому. Но что ее огорчаетъ, такъ это недоговоренности въ резолюціяхъ съѣзда.

„... у людей болѣе недовѣрчивыхъ, скорбитъ довѣрчивая газета, это можетъ возбудить *даже* и подозрѣнія, не кроется ли подъ неясными и окольными формулами какая-нибудь задняя мысль... *Зачѣмъ это нужно?* Вѣдь это только *можетъ* вызвать подозрѣніе, что авторы имѣли какіе-то мотивы, какія то основанія для того, чтобы набросать на что-то вуаль“... (№ 55, курс. нашъ).

Какъ трогательно!

Смотрите, укоризненно говоритъ демократической ягненокъ земскому волку, у котораго изъ подъ небрежно накинутой овчьей шкуры торчитъ волчій хвостъ. — Вотъ здѣсь у васъ на

Екатеринославская всеобщая стачка 1903 года въ изображеніи слугъ самодержавія.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянахъ: Андрѣ Ивановѣ Горбуновѣ, 16 л.; Иванѣ Михайловѣ Сенюринѣ, 16 л.; Кондратѣ Антѣевѣ Олефиренко, (онъ же Алферовъ) 65 л.; Иванѣ Яковлевѣ Берестовскомъ, 17 л.; Егорѣ Елисѣевѣ Бобылевѣ, 17 л.; Петрѣ Яновѣ Ваннагъ, 31 г.; Петрѣ Яковлевѣ Голубенковѣ, 23 л.; Флорѣ Сильвестровѣ Городецкомъ, 29 л.; Ефимѣ Александровѣ Горскинѣ, 29 л.; Иванѣ Ефремовѣ Лѣсовомъ, 19 л.; Феодорѣ Осиповѣ Самойловѣ, 19 л.; Петрѣ Васильевѣ Медвѣдевѣ, 20 л.; Антонѣ Иковлевѣ Овсинѣ, 28 л.; Лаврентіи Михайловѣ Макулюсѣ, 32 л.; Василіи Антоновѣ Мѣшенко, 18 л.; Сергѣ Владимировѣ Ужатченковѣ, 37 л.; Михаилѣ Козьминѣ Трофимовѣ, 19 л.; Николаѣ Евсеевѣ Мальцовѣ, 33 л.; Іоганѣ Мартыновѣ Лайминъ 23 л.; Иванѣ Евграфовѣ Шевченко, 23л.; Никитѣ Осиповѣ Хохловѣ, 23 л.; Арсеніи Петровѣ Грибановѣ, 22 л.; Моисеѣ Семеновѣ Яценко, 23 л.; мѣщанахъ: Ошерѣ Шлемовѣ Трибухѣ, 16 л.; Мордухѣ Шимоновѣ Лившицѣ, 16 л.; Саррѣ Хаимовой Медвядской, 16 л.; Самуилѣ Ельевѣ Словинѣ, 18 л.; Исаѣ Ефимовѣ Телисовѣ 18 л.; Зиатѣ Нафтолиевой Берковской, 18 л.; Хаѣ Давидовой Рудниковой, 17 л.; Шамшелѣ Шмуйловѣ Левинѣ, 20 л.; Федорѣ Александровѣ Бѣкинѣ, 21 г.; Хаѣ Гоцѣ Ароновой, Либерманѣ, 20 л.; Іосифовичѣ Милейковскомъ, 28 л.; Лейбѣ Давидовѣ Инекманѣ, 17 л.; Николаѣ Макаровѣ Соломонѣ, 20 л.; Рахили Моисеевой Незнающей, 19 л.; Аннѣ Карповой Оводовой, 26 л.; Ильѣ Хайкелевѣ Іоффе, 23 л.; Никифорѣ Васильевѣ Кошкинѣ 18 л.; Максимѣ Ивановѣ Звѣздинѣ, 28 л.; Шеинѣ Пинхусовой Роленбаумъ, 30 л.; Юдѣ Мовшеевѣ Рессинѣ, 19 л.; Давидѣ Гершевѣ, Затуловскомъ, 22 л.; Хаинкелѣ Лейбовѣ, Цибульскомъ, 20 л.; Гершѣ Левиковѣ Левиковомъ, 19 л.; Аронѣ Давидовѣ Рыскинѣ, 18 л.; Степанѣ Степановѣ Ефимовѣ 50 л.; Ефимѣ Александровѣ Романовѣ, 28 л.; Вениаминѣ Шмулевѣ Роберманѣ, 28 л.; Хаѣ Бенціоновой Гинзбургъ, 22 л.; Саррѣ Лейзеровой Лавтудъ (она же Айбундъ), 20 л.; Мордухѣ Калмановѣ Тилинѣ, 20 л.; Николаѣ Лаврентьевѣ Афанасьевѣ, 26 л., и германско-подданномъ Людвигѣ Антоновѣ Градковскомъ, 63 л.

7—11 Августа 1903 года въ городѣ Екатеринославѣ и предмѣстьѣ его „поселкѣ Амуръ-Нижнедѣпровскѣ, Новомосковскаго уѣзда, происходили безпорядки, состоявшіе въ томъ, что рабочіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній, прекративъ работы, многотысячной толпой, съ красными флагами и криками: долой самодержавіе, шествовали по улицамъ и, при попыткахъ полиціи и войскъ разсѣять толпу и задержать виновныхъ бросали камни въ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ и двухъ изъ нихъ ранили, и многихъ ушибли.

Произведеннымъ по этому поводу разслѣдованіемъ выяснено, что съ іюня 1903 года въ городѣ Екатеринославѣ, особенно въ фабричномъ и заводскомъ его районахъ, и въ поселкѣ Амуръ-Нижнедѣпровскѣ, Новомосковскаго уѣзда, гдѣ также расположено нѣсколько заводовъ, усиленно распространялись печатныя возванія (прокламаціи), призывавшія рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ, предъявленію требованій восьми часового рабочаго дня, увеличенія заработной платы и публичному поруганію установленнаго въ государствѣ образа правленія. Подъ вліяніемъ этихъ возваній и увѣщаній нѣкоторыхъ лицъ, рабочіе въ городѣ, поселкѣ и ихъ окрестностяхъ стали устраивать сходки, число участниковъ которыхъ иногда доходило до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но работы на заводахъ, фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ продолжали обычнымъ порядкомъ, не заявляя ни владѣльцамъ предпріятій, ни чинамъ фабричной инспекціи и горнаго надзора какихъ требованій.

4 августа въ городѣ, нѣкоторые изъ рабочихъ булочныхъ и пекарень, и съ ними какіе то другіе лица начали обходить хлѣбопекарни и убѣждать рабочихъ прекратить работы, грозя въ противномъ случаѣ ихъ избить; подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій рабочіе пекарень и булочныхъ стали въ разныхъ мѣстахъ города собираться небольшими группами для какихъ то переговоровъ, а 6 августа въ одномъ изъ дворовъ на Первозванской улицѣ устроили сходку, на которой было рѣшено обойти всѣ пекарни и булочныя въ городѣ и насильственными мѣрами прекратить въ нихъ работы. Хотя сходка эта была замѣчена полиціей и участники ея задержаны, но въ то же время, до свѣдѣнія полиціи дошло, что готовится сбшая забастовка рабочихъ на заводахъ, и что забастовка эта должна начаться 7 августа въ мастерскихъ Екатерининской жел. дор., а сигналомъ къ ней долженъ послужить или тревожный гудокъ въ главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, или тревожные свистки паровозовъ; вслѣдствіе этого полиціей были усилены наблюдательные посты, для подавленія могущихъ возникнуть безпорядковъ были вызваны войска, а гудокъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ былъ нарочно закрытъ.

7 августа утромъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ около двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ, явились въ обычное время на работы и разошлись по цехамъ, но работать начали немногіе, большинство же, остановясь у машинъ и станковъ, въ работамъ не приступало; вокругъ въ нѣкоторыхъ цехахъ раздались удары въ колоколъ-сигналъ прекращенія работъ и вслѣдъ затѣмъ рабочіе съ криками: „бросай работу“ стали выбѣгать во дворъ и силой увлекать за собой своихъ товарищей, начавшихъ уже работать. Среди столпившихся во дворѣ рабочихъ были замѣчены проникшія въ мастерскія какія то посторонія лица, которыя, стараясь быть незамѣченными, пріѣздали на землю и толпой скрывались. Сначала рабочихъ пытался успокоить начальникъ екатеринославскаго жандармскаго отдѣленія ротмистръ Остромысленскій, но толпа волновалась, среди нея произносились рѣчи и читались воззванія объ угнетеніи рабочаго класса и слышались крики: „дайте намъ хлѣба, долой жандармовъ“. Прибывшимъ на мѣсто безпорядковъ начальнику мастерскихъ, инжинеру Ильинскому, а затѣмъ и управляющему губерніей вице-губернатору рабочіе предъявили требованія объ установленіи восьми часового рабочаго дня, увеличеніи заработной платы, смѣщеніи нѣкоторыхъ мастеровъ и удаленіи изъ мастерскихъ чиновъ жандармской полиціи. На убѣжденія инженера Ильинскаго и вице губернатора продолжать работы, рабочіе отвѣтили отказомъ, а затѣмъ услыша, что заявленныя имъ требованія не могутъ быть немедленно удовлетворены и что для заявленія ихъ слѣдуетъ выбрать депутатовъ, рабочіе съ криками: „ура, что его слушать..... это вранье..... одни обѣщанія идемъ“, стали бросать шапки вверхъ, махать платками и требовали, чтобы ихъ выпустили изъ мастерскихъ, обѣщая, что они не будутъ производить никакихъ безпорядковъ. Когда, однако, рабочіе постепенно и группами были выпущены изъ мастерскихъ то изъ нихъ лишь немногіе отправились по своимъ домамъ, большинство же образовало толпу, которая ее свистомъ и криками двинулась по полотну жел. дороги къ Брянскому заводу. Въ толпѣ этой были выставлены красные флаги, раздавались крики „долой самодержавіе“, и во множествѣ разбрасывались преступнаго содержанія печатныя воззванія, устѣявшія желѣзнодорожный путь. Нѣкоторые изъ толпы вскакивали на стоявшіе у мастерскихъ паровозы и давали тревожные свистки; другіе бросились къ шедшему на пути товарному поѣзду, исключили на площадки вагоновъ, затормозили поѣздъ, дергая за сигнальную веревку, стали давать тревожные свистки, и авали машинисту и его помощника присоединиться къ толпѣ, а затѣмъ стали бросать въ паровозъ камни, которыми ушибли машиниста и ранили его помощника.

Подойдя къ расположенному за желѣзнодорожными мастерскими сталелитейному заводу Эзау, толпа съ криками: „бросай работу, станемъ подъ знамена дружнѣй, долой самодержавіе“, ворвалась въ заводъ и, пробѣгая по заводу, разбрасывала воззванія, давала тревожные свистки и увлекала за собою рабочихъ, заставивъ ихъ прекратить работы. Затѣмъ толпа съ тѣми же криками пыталась проникнуть на сосѣдній съ заводомъ Эзау, бетонный заводъ, но была остановлена стоящими у завода войсками.

Увеличиваясь съ каждой минутой не только рабочими разныхъ заводовъ и фабрикъ, но и другими, не имѣющими никакого отношенія къ заводамъ лицами, толпа приблизилась къ Брянскому заводу, и часть ея успѣла ворваться въ него. Пробѣгая съ криками по заводу, толпа остановила на немъ работы. Впереди этой толпы были видны двѣ какія то дѣвицы въ

...го... недоразумѣніе. „Зачѣмъ это нужно?“ Вѣдь у болѣе развитыхъ „это“ можетъ вызвать неосновательныя подозрѣнія...

Наше неучастіе въ либерально-революціонно-націоналистическомъ „блокѣ“ раздражаетъ оппозиціонную печать.

Кромѣ охранителей, жалуется „Наша Жизнь“, существуютъ, къ сожалѣнію, и другія, притомъ прогрессивныя направленія, которыя *все еще*(!) говорятъ о великаго рода противорѣчіяхъ и все еще выдвигаютъ на первый планъ именно эти противорѣчія, а не то „общее“, что можетъ объединить въ извѣстныя времена всѣ классы, всѣ сословія. Въ общемъ, однако, — утѣшается газета — сословно-классовыя различія *сейчасъ* потонули въ томъ живомъ и могучемъ потокѣ, который стремительно несется по русской землѣ и захватываетъ въ свое русло и московскаго купца, и тамбовскаго, саратовскаго и др. земцевъ, и петербургскаго чиновника, и всегдашняго либерала-интеллигента“.

Тѣ обвиненія, которыя „Освобожденіе“ и Революціонная Россія“ предъявляютъ замаскированную форму, легальный органъ, которому не грозитъ немедленный отборъ, выражаетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Партія сознательнаго пролетаріата осуждается за то, что осмѣливается выдвигать такія требованія, которыя отличаются отъ требованій московскаго купца, тамбовскаго дворянина и петербургскаго чиновника. Другими словами, соціалъ-демократія сурово осуждается за свою преданность тому дѣлу, которое „Наша Жизнь“ лицемѣрно называетъ своимъ языкомъ. Ибо, что сейчасъ съ такой рѣзкостью отличаетъ соціальныхъ рабочихъ отъ либеральныхъ дворянъ и якобы демократическихъ интеллигентовъ, такъ это ихъ несокрушимая пролетарская преданность демократическимъ интересамъ! Соціалъ-демократія не согласна добровольно захлебнуться (а утопить ее „въ силу“) въ томъ „могучемъ потокѣ“, который течетъ въ рядѣ сословно-имущественнаго ценза, и за эту ея несговорчивость „демократическая“ газета уподобляетъ ее охранителямъ.

Князь. Мещерскій пугаетъ московскихъ купцовъ-либераловъ, возвращавшихъ въ думѣ за конституцію, тѣмъ соображеніемъ, что огромное большинство оппозиціи

„не народа ради хочетъ конституціи, а хочетъ ея, какъ самой удобной обстановки для уничтоженія всего, что есть силы, и шашками ихъ произволу, и разумѣется, *силы капитала во всѣхъ его видахъ*“.

„Наша Жизнь“, какъ видите, дѣйствительно права. Охранитель Мещерскій раскалывается: оппозицію указывая представителямъ капитала на угрозу, которую соціалъ-демократія представляетъ для капитала во всѣхъ его видахъ. Мы же раскалываемъ оппозицію, рѣшительно выступая („все еще“!) противъ политическихъ привилегій, которыхъ требуетъ для себя „капиталъ во всѣхъ его видахъ“. Не ясно ли, что мы съ Мещерскимъ дѣлаемъ приблизительно одно и то же дѣло?

Когда то въ англійскій палатѣ было сказано: „Мы всѣ — соціалисты“. Во Франціи, какъ извѣстно, есть цѣлая партія „радикалъ-соціалистовъ“, которыхъ съ соціализмомъ связываетъ только ихъ глубокая ненависть къ нему. Вообще, когда буржуазныя политики говорятъ о своемъ „соціализмѣ“, остается только предостеречь: Пролетаріи! держите крѣпче ваши карманы!

У насъ теперь если не всѣ — „соціалисты“, то всѣ — демократы. Даже „Русь“.

„Побольше, господа, искренняго демократизма, вызываетъ она, если хотите, чтобы „народъ“ призналъ и поддержалъ ваши реформы“.

На грѣхъ „Руси“ ни разу не случалось объяснить, въ чемъ состоитъ ея демократизмъ. Разумѣется, остальная „демократическая“ пресса нисколько ея къ этому не принуждаетъ. Установилось молчаливая круговая порука на началахъ взаимнаго попустительства. Въ результатѣ, всѣ — демократы, кто себя такъ называетъ. А называютъ всѣ, кому не лѣнь. Пролетаріи, держите крѣпче ваши карманы!

Въ „Рус. Вѣд.“ г. Сергѣй Муромцевъ развиваетъ такую логическую цѣпь. Высочайшій указъ 12 декабря требуетъ „*дѣйствительныхъ* мѣръ къ охраненію полной силы закона“. *Слѣдовательно*, указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но пресса, считая факты произвола, тѣмъ самымъ способствуетъ борьбѣ съ нимъ. *Слѣдовательно*, высочайшій указъ предполагаетъ для прессы свободу обличенія. *Слѣдовательно*, всякій властью имущій, кто сталъ бы ставить этимъ обличеніямъ преграды, тѣмъ самымъ „заявилъ бы себя сторонникомъ произвола, осуждаемаго высочайшимъ указомъ“.

Г. Сергѣй Муромцевъ беретъ на надъ взглядъ вопросъ слишкомъ узко. На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать такъ. Высочайшій указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но извѣстно, что парламентарный режимъ, контроль общества надъ исполнительной властью, представляетъ собою лучшее орудіе борьбы съ чиновничьимъ произволомъ. *Слѣдовательно*, высочайшій указъ предполагаетъ парламентаризмъ. *Слѣдовательно*, всѣ противники конституціи заявляютъ себя „сторонниками произвола, осужденнаго высочайшимъ указомъ“.

Безспорно, конституцію легче вычитать изъ царскаго указа, чѣмъ завоевать!

„Польская соціалистическая партія“ (P. P. S.) организовала за послѣднее время въ одной Варшавѣ „около двухъ десятковъ“ демонстрацій „по самымъ различнымъ поводамъ“, сверхъ того — три въ Лодзи, одну въ Чистоховѣ, въ Калишѣ, Сѣдльцѣ, Люблинѣ, Гродно, Заверцѣ, Островцѣ.“ Во время демонстраціи „выкидывались красныя знамена съ подписью „П. П. С.“. Сообщая объ этомъ фактѣ, „Рев. Россія“ (№ 46) объясняетъ:

„Эта надпись (подпись?) была введена послѣ нѣсколькихъ демонстрацій, чтобы предупредить стремительно идущее „искровскихъ“ (въ корреспондентскомъ — въ Польшѣ).

Мы слышали, что впредь, во избѣжаніе злоупотребленія, къ указанной подписи рѣшено прибавлять: „не смѣшивать съ „Народовой Лигой!“ И подумать только, что все это изъ-за искровскихъ корреспондентовъ! Впрочемъ, какъ извѣстно, Гоца Качура (не смѣшивать съ „народнымъ героемъ“) выгравировалъ на своемъ револьверѣ „подпись“ „боевой организаціи“ — тоже „во избѣжаніе злоупотребленій“!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Протестъ литераторовъ противъ бойни 28-го ноября. Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

28 го ноября 1904-го года, днемъ, произошла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, демонстрація, въ которой участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Объ этой демонстраціи было заранѣе извѣстно, и администрація приняла слѣдующія мѣры: заготовила большіе наряды пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона и, кромѣ того, цѣлыя сотни дворниковъ (на одномъ дворѣ католической церкви ихъ было собрано 320 ч., но были партіи и въ другихъ мѣстахъ). Въ одномъ участкѣ дворникамъ велѣно было бить студентовъ, и пояснено, что въ отвѣтъ за это они не будутъ; въ другомъ участкѣ тоже приказано было бить студентовъ, но такъ, чтобы не видѣла публика, — бить ногами и кулаками по рябрамъ. Ворота въ домахъ на Невскомъ проспектѣ велѣно было затворять. Послѣ полудня собралось на Невскомъ значительное количество молодежи, особенно между Садовой и Казанскою улицею. Ровно въ часъ дня небольшая толпа демонстрантовъ, занимавшая тротуаръ дома противъ думы, выкинула красный флагъ съ пѣніемъ рабочей марсельезы. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно изъ Думской улицы выскочилъ рысью отрядъ конныхъ городовыхъ. Толпа сразу прекратила пѣніе. Городовые обнажили шашки и бросились въ толпу, избивая всѣхъ, кого попало. Демонстранты пытались бѣжать, но задосѣвшіе городовые и дворники ловили ихъ и жестоко избивали.

Вообще въ этотъ день было выкинуто нѣсколько красныхъ флаговъ съ надписями: „прекращеніе войны“, „долой войну“, „долой самодержавіе,“ молодежь кричала: „да здравствуетъ свобода.“ Никакихъ вызывающихъ дѣйствій демонстранты не проявляли.

Дѣйствія полицейской арміи противъ безоружныхъ демонстрантовъ и случайныхъ прохожихъ состояли въ томъ, что безъ всякаго предварительнаго предупрежденія отряды конной полиціи и жандармовъ пускались во весь опоръ, при чемъ сыпались удары нагайками и обнаженными шашками. Конные отряды въѣзжали на паперти и даже на ступени католическаго храма. Дворники били демонстрантовъ и проходящихъ мужчинъ и женщинъ по лицу, въ глаза, выбивали зубы, старались захватить не успѣвшихъ бѣжать (потому что бѣжать вслѣдствіе скопленія народа искусственно сжатаго дѣйствіями и лиціи въ одно мѣсто, очень часто оказывалось невозможнымъ) и тащили ихъ во дворы домовъ, избивали ихъ тамъ до потери сознанія, хватали мужчинъ и женщинъ за волосы, въ совершенномъ озвѣрѣніи царапали лицо плѣнникамъ, которыхъ держали другіе дворники, и затѣмъ бросали ихъ десятками въ подвалы и дворницкія, гдѣ нерѣдко избіеніе продолжалось. Тѣхъ изъ прохожихъ, которые пытались протестовать противъ этихъ звѣрствъ, также хватали и подвергали побоямъ. Когда одна дѣвушка, увидѣвъ близъ городового № 816 восклицнула „я это запомню“, то была избита особенно жестоко. Характерную черту этой бойни составляетъ ея злостная преднамѣренность, въ чемъ утвержденію официальнаго сообщенія о „случайныхъ пораненіяхъ“ противорѣчатъ слишкомъ многіе.

На Михайловской улицѣ видѣли слѣдующія сцены. Среди свалки между сотней нападавшихъ вооруженныхъ городовыхъ и дворниковъ и 7—8 жертвами, на головы которыхъ сыпались удары обнаженныхъ сабель и палокъ, четыре городовыхъ топтали каблуками распростертое тѣло тщедушной дѣвушки. Вдругъ отъ толпы отдѣленная конными городовыми, отхлынула отъ завода къ фабричной слободкѣ и увлекла за собой полицеймейстера и многихъ городовыхъ. У фабричной слободки толпа соединилась съ другой, стоявшей тамъ толпой, и образовала скопище народа и рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Эта стихійная возбужденная толпа съ криками „долой самодержавіе“ и красными флагами намѣревалась двинуться въ городъ; но видя, что на пути стоятъ двѣ роты солдатъ, Керчь-Еникальскаго пѣхотнаго полка, стала приближаться къ нимъ и частью обходить ихъ. На убѣжденія военнаго и гражданскаго начальства остановиться и не подходить къ солдатамъ, толпа отвѣчала криками и бранью и продолжала подступать къ войскамъ, попытки отѣснить и разсѣять толпу конными городовыми не имѣли успѣха: толпа схватывала камни и бросала ихъ въ чиновъ полиціи, многіе изъ послѣднихъ были ушиблены, а лошади подъ ними искалѣчены.

Тогда полицеймейстеръ, видя, что онъ безсиленъ остановить толпу, предоставилъ распоряжаться командовавшему ротами подполковнику Соловьеву. Послѣдній въ свою очередь нѣсколько разъ убѣждалъ толпу остановиться и начать давать сигналы къ стрѣльбѣ, слыша ихъ, въ толпѣ кричали: „товарищи, не бойтесь, стрѣлять не будутъ, не имѣютъ права“, другіе же кричали, что у солдатъ холостые патроны, нѣкоторые изъ толпы приблизились къ солдатамъ, убѣждали ихъ не стрѣлять, говори, что, отбывъ срокъ военной службы, они снимутъ мундиры и станутъ такими же рабочими, какъ и собравшіеся, и будутъ также притѣсняемы, какъ и они, и что въ толпѣ находятся ихъ, солдатъ, сестры, жены, братья. Другіе кричали солдатамъ, чтобы они перебили офицеровъ и присоединились къ толпѣ. Видя, что возбужденіе толпы растетъ и она настолько приблизилась къ солдатамъ, что можетъ броситься и ихъ обезоружить, Соловьевъ сдѣлалъ послѣднюю попытку удержать толпу и, выхвативъ револьверъ, убѣждалъ остановиться, клянясь, что, въ противномъ случаѣ, онъ прикажетъ стрѣлять. Въ отвѣтъ на это изъ толпы посыпались брань, въ солдатъ полетѣли камни, и Соловьевъ былъ ушибленъ въ спину, послѣ чего онъ далъ сигналъ стрѣлять, и полурота произвела боевыми выстрѣлами залпъ, послѣ котораго толпа, увидя упавшихъ убитыхъ и раненыхъ, немедленно разсѣялась. На мѣстѣ выстрѣловъ полиціей было поднято трое убитыхъ и 16 раненныхъ, изъ конхъ четыре затѣмъ въ больницѣ отъ ранъ умерли; многіе же легко раненные разбѣжались и скрылись по дворамъ. Во время уборки раненыхъ и труповъ, толпа снова стала собираться и съ криками: „васъ побили, бей полицію“, начала бросать камни въ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ; толпа эта была незначительна и скоро была разсѣяна полиціей..

Въ этотъ же день утромъ въ городѣ у конторы газеты „Вѣстникъ Юга“ и у печатни Яковлева на улицѣ собралась толпа народа, бросавшая камни въ окна и кричавшая рабочимъ, чтобы они оставили работы и присоединились къ толпѣ. Вслѣдствіе этихъ криковъ и угрозъ тѣ изъ рабочихъ, которые были избиты, рабочіе этихъ заведеній прекратили работы и вышли на улицу; собравшаяся толпа, однако, скоро была разсѣяна полиціей. Въ тоже время на Гимназической улицѣ толпа рабочихъ собралась у казеннаго виннаго склада, стала бросать камни въ окна и криками требовала, чтобы рабочіе бросали работу и присоединялись къ толпѣ; эта толпа бросала также камни въ чиновъ полиціи, которымъ, однако удалось толпу разсѣять.

Когда послѣ уборки труповъ и раненыхъ, полиціймейстеръ въ тотъ же день съ 2 — 3 конными городовыми возвращался съ завода въ городъ, на Трамвайной улицѣ его встрѣтила толпа народа, человѣкъ въ полтораста. На требованіе полиціймейстера остановиться, толпа бросилась въ переулокъ и стала бросать оттуда камни въ полиціймейстера и городовыхъ, и, лишь увидя шедшую отъ вокзала роту солдатъ, прекратила насилія и разбѣжалась.

На слѣдующій день, 6 августа, съ утра, на углу Брянской площади и 1-й ул. Чечелевки, близъ покойницкой Брянскаго завода, въ которой находились трупы убитыхъ наканунѣ рабочихъ, стала собираться толпа народа, достигшая вскорѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ. Получивъ свѣдѣнія, что толпа эта намѣрена отнять у полиціи тѣла убитыхъ и проектъ ихъ по Екатерининскому проспекту, полиціймейстеръ Машевскій, съ конными городовыми и 2 ми ротами солдатъ, поспѣшилъ на мѣсто сбора. Увидя полиціймейстера, шумѣвшая толпа потребовала, чтобы онъ вступилъ съ нею въ переговоры и, когда Машевскій приблизился къ толпѣ, то изъ нея стали раздаваться крики, что собравшіеся требуютъ установленія 8 ми часового рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а одинъ изъ евреевъ, находясь въ первыхъ рядахъ толпы, крикнулъ: „и свободы Россіи“. Во время переговоровъ съ полиціймейстеромъ въ толпѣ выбрасывались вверхъ пачки преступныхъ печатныхъ воззваній, которыя тотчасъ же толпой подхватывались, а одинъ изъ толпы, поднявшись на дерево, оттуда читалъ воззваніе окружавшей его толпѣ, которая при этомъ кричала „ура“.

Когда полиціймейстеръ отказался вести переговоры съ безпрестанно растущей толпой, послѣдняя, побужденная крикомъ нѣкоторыхъ, идемъ въ городъ! двинулась на Озерный базаръ, а частью часть ея послѣдовала за процессіей на кладбище, но тамъ, благодаря присутствію полиціи и войскъ, погребеніе убитыхъ рабочихъ совершено было безпрепятственно. На Озерномъ базарѣ толпа ворвалась въ депо электрическаго трамвая, выгнала изъ него рабочихъ и пріостановила такимъ образомъ движеніе вагоновъ. Когда чины полиціи пытались остановить толпу, ихъ кричали: „уйдите, не ваше дѣло, что хотимъ, то и дѣлаемъ“, и грозили насиліемъ. Въ то же время часть толпы пыталась проникнуть на городскую электрическую станцію, но охранившіе ее городовые стали стрѣлять изъ револьверовъ въ воздухъ и этихъ заставили толпу отступить. Съ Озернаго базара, постепенно увеличивающаяся толпа направилась на Ека-

...ство... недоразумѣніе. *„Зачѣмъ это чужое?“* Вѣдь у болѣе ...зорательныхъ „это“ можетъ вызвать неосновательныя подозрѣнія...

⁂ „Наше несчастіе въ либерально-революціонно-національномъ „блокѣ“ раздражаетъ оппозиціонную печать.

„Кромѣ охранителей, жалуется „Наша Жизнь“, существуютъ, къ сожалѣнію, и другіе, притомъ прогрессивныя направленія, которыя *все еще*!) говорятъ о всякаго рода противорѣчіяхъ и все еще выдвигаютъ на первый планъ именно эти противорѣчія, а не то „общее“, что можетъ объединять въ извѣстныя времена всѣ классы всѣ сословія. Въ общемъ, однако, — утѣшается газета — сословно-классовыя различія сейчасъ потонули въ томъ живомъ и могучемъ потокѣ, который стремительно несется по русской землѣ и захватываетъ въ свое русло и московскаго купца, и тамбовскаго, саратовскаго и др. земцевъ, и петербургскаго чиновника, и всегдашняго либерала-интеллигента“.

Тѣ обвиненія, которымъ „Освобожденіе“ и Революціонная Россія“ придаютъ замаскированную форму, легальный органъ, которому не грозитъ немедленный отборъ, выражаетъ съ откровенными цинизмомъ. Партія сознательнаго пролетаріата осуждается за то, что осмѣливается выдвигать такія требованія, которыя отличаются отъ требованій московскаго купца, тамбовскаго дворянина и петербургскаго чиновника. Другими словами, соціалдемократія сурово осуждается за свою преданность тому дѣлу, которое „Наша Жизнь“ лицемѣрно называетъ своимъ дѣломъ. Ибо, что сейчасъ съ такой рѣзкостью отличаетъ сознательныхъ рабочихъ отъ либеральныхъ дворянъ и якобы-демократическихъ интеллигентовъ, такъ это ихъ несокрушимая пролетарская преданность демократическимъ интересамъ! Соціалдемократія не согласна добровольно захлебнуться (а утопить ея тотъ силъ!) въ томъ „могучемъ потокѣ“ который течетъ въ русской сословно-имущественномъ нѣнѣ, и за эту ея неспособность „демократическая“ газета уподобитъ ее охранителямъ.

⁂ Князь Мещерскій пугаетъ московскихъ купцовъ-либераловъ, вотировавшихъ въ думѣ за конституцію, тѣмъ соображеніемъ, что огромное большинство оппозиціи

„не народа ради хочетъ конституціи, а хочетъ ея, какъ самой удобной обстановки для уничтоженія всего, что есть сила, мѣшающая ихъ произволу, и разумѣется, силы *капитала во всѣхъ его видахъ*“.

„Наша Жизнь“, какъ видите, дѣйствительно права. Охранитель Мещерскій распахиваетъ оппозиціи, указывая предстателямъ капитала на угрозу, которую соціалдемократія представляетъ для капитала во всѣхъ его видахъ. Мы же раскрываемъ оппозиціи, рѣшительно выступая „не вмѣстѣ“ противъ политическихъ привилегій, которыхъ требуетъ для себя „капиталъ во всѣхъ его видахъ“. Не ясно ли, что мы съ Мещерскимъ дѣлаемъ приблизительно одно и то же дѣло?

⁂ Когда то въ англійской палатѣ было сказано: „Мы всѣ — соціалисты“. Во Франціи, какъ извѣстно, есть цѣлая партія „радикалъ-соціалистовъ“, которыхъ отъ соціалистовъ отличаютъ только ихъ глубокая ненависть къ нему. Вообще когда буржуазные политики говорятъ о своемъ „соціализмѣ“, остается только предостеречь: Пролетаріи! держите крѣпче ваши карманы!

У насъ теперь если не всѣ „соціалисты“, то почти всѣ демократы. Даже „Русь“

„Поболѣе борьба и крѣпче демократизмъ, вмѣстѣ она, если хотите чтобы „Царь“ принялъ всерьезъ ваши реформы“.

На грѣхъ „Русь“ на радость публикѣ, а больше всего, конечно, на потѣху „Руси“ состоитъ ея демократизмъ. Разумѣется остальная „демократическая“ пресса нисколько ея къ этому не принуждаетъ. Тѣмъ не менѣе привлекая молчаливая круговая порука на началахъ взаимнаго попустительства. Въ результатѣ, всѣ демократы, кто себя такъ называетъ. А называютъ всѣ кому не лѣнь. Протестуй, держите крѣпче ваши карманы!

⁂ Въ „Рус. Вѣд.“ г. Сергѣй Муромцевъ развиваетъ такую критическую цѣль. Вы-чайшій указъ 12 декабря требуетъ „*дальнѣйшихъ мѣръ къ охраненію подлой силы закона*“. *Сіе достойно*, указъ требуетъ борьбы съ преступностью. Но гдѣ-то слышали факты произвола, тѣмъ самымъ способствуетъ борьбѣ съ нимъ. *Сіе достойно*, въ сегодняшній указъ предполагаетъ печати прессы свободу обличенія. *Сіе достойно*, и кто власть имущій, кто сталъ бы ставить этимъ обличеніямъ преграды тѣмъ самымъ „заявилъ бы себя сторонникомъ произвола и ослѣпимаго высочайшимъ указомъ“.

Г. Сергѣй Муромцевъ беретъ на ...
...комъ указѣ. Не самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать такъ. Высочайшій указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но вѣдь не парламентарный режимъ контроль надъ ...
...тельной власти, представляетъ собою лучшее ...
...чиновничьимъ произволомъ. ...

предполагаетъ парламентаризмъ. *Сіе достойно*, всѣ противники конституціи заявляютъ себя „сторонниками произвола, осужденнаго высочайшимъ указомъ“!

Безспорно, конституцію легче вычитать изъ царскаго указа, чѣмъ завоевать!

⁂ „Польская соціалистическая партія“ (P. P. S.) организовала за послѣднее время въ одной Варшавѣ „около двухъ десятковъ“ демонстрацій „по самымъ различнымъ поводамъ“, сверхъ того — три въ Лодзи, одну въ Частоховѣ, въ Кальшѣ, Сѣдльцѣ, Люблинѣ, Гродно, Заверцѣ, Острове. Во время демонстрацій „выкидывались красныя знамена съ подписью“, П. П. С“. Со общая объ этомъ фактѣ, „Рев. Россія“ (№ 46) объясняетъ:

„Эта надпись (подпись?) была введена послѣ нѣсколькихъ „демонстрацій, чтобы предупредить злоупотребленія, вродѣ „искровскихъ“ (въ корреспонденціяхъ въ Полонію)“.

Мы слышали, что впредь, во избѣжаніе злоупотребленій, къ указанной подписи рѣшено прибавлять: „не смѣшивать съ „Народовой Лигой“! И подумать только, что все это изъ-за искровскихъ корреспондентовъ! Впрочемъ, какъ извѣстно, Фома Кичура не смѣшивать съ „народнымъ героемъ“, выграмировалъ на своемъ револьверѣ „подпись“ „боевой организаціи“ — тоже „во избѣжаніе злоупотребленій“!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Протестъ литераторовъ противъ бойни 28-го ноября. Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

28-го ноября 1904-го года, днемъ, произошла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, демонстрація, въ которой участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Объ этой демонстраціи было заранѣе извѣстно, и администрація приняла слѣдующія мѣры: заготовила больше нарядовъ пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона и, кромѣ того, нѣсколько дворниковъ (на одномъ дворѣ католической церкви ихъ было собрано 320 чел., но были партіи и въ другихъ мѣстахъ). Въ одномъ участкѣ дворникамъ велѣно было бить студентовъ, въ пояснеше: что въ отвѣтъ на это они не будутъ; въ другомъ участкѣ тоже приказано было бить студентовъ, но такъ, чтобы не видѣла публика — бить ногами и кулаками по ребрамъ. Ворота въ домахъ на Невскомъ проспектѣ велѣно было затворить. Послѣ полудня собралось на Невскомъ значительное количество молодежи, особенно между Садовой и Большою улицею. Гдѣ-то часть демонстрантовъ, занимавшая тротуаръ дома противъ Думы, вынула красный флагъ съ надписью рабочей маршевой пѣсни. Всѣ они немедленно изъ Думской улицы вышли на Невскій проспектъ и, присоединившись къ остальнымъ демонстрантамъ, двинулись по Невскому. Тогда сразу прекратилась плавь городовые обнажили шашки и бросились въ толпу, избивая всѣхъ, кого попало. Демонстранты пытались бѣжать, но преслѣдовавшіе городовые и дворники ловили ихъ и жестоко избивали.

Въ общемъ въ этотъ день было выкинуто 11 или 12 красныхъ флаговъ съ надписями: „Прекращеніе войны“, „долой войну“, „долой самодержавіе“, „свобода печати“, „да здравствуетъ свобода“. Нѣсколько отдѣльныхъ дѣйствій демонстранты не производили.

Дѣйствія полицейской арміи противъ безоружныхъ демонстрантовъ и мирныхъ прохожихъ состояли въ томъ, что безъ всякаго предварительнаго предупрежденія группы конной полиціи и жандармовъ, скакавшихъ во всѣ стороны, врѣзывались въ ряды пѣшими и обнажали шашки. Конные отряды скакали на панели и даже на ступени католическаго храма. Дворники били демонстрантовъ и проходящихъ мужчинъ и женщинъ по головѣ, по спинѣ, избивали ихъ, старались захватить не успѣвшихъ бѣжать потому что бѣжать было трудно: сплошная народа искусственно сжатая дѣйствіями полиціи и войска. Очень часто оказывалось невозможнымъ и такимъ изъ людей ...домовъ, избивали ихъ тамъ до потери сознанія хватали мужчинъ и женщинъ на улицѣ и, опрокинувъ ихъ, избивали ...парализовать ихъ, истерзавъ ихъ одежду. Нѣкоторые дворники и ...ли ихъ за ногами въ подвалы и дворницкія, гдѣ ...

...

...

Всѣ приведенные факты, удостовѣренные пострадавшими и очевидцами бойни, доказываютъ, что полиція задалась цѣлью не разогнать участниковъ демонстраціи, а главное — подвергнуть ихъ жестокому избіенію и на улицахъ, и въ скрытыхъ отъ взоровъ публики мѣстахъ.

Когда о поведеніи полиціи было частнымъ образомъ доведено до свѣдѣнія кн. Святополкъ-Мирскаго, онъ сослался на то, что не можетъ такъ скоро отучить дворниковъ отъ обычаевъ, усвоенныхъ имъ при прежнихъ порядкахъ. Однако, какъ ни безобразно было поведеніе полиціи и дворниковъ при прежнихъ демонстраціяхъ, все же не было столь многихъ жертвъ избіенія на улицахъ, въ закрытыхъ дворахъ, дворницкихъ и подвалахъ и не было такой неслыханной жестокости. Да и вообще, по какому праву полиція прибѣгаетъ къ содѣйствію дворниковъ, да еще напившихся пьяными, вѣроятно, на выданную подачку?

О происшедшихъ событіяхъ никакого гласнаго разслѣдованія не было. Правительство ограничилось опубликованіемъ сообщеній, совершенно не соотвѣтствующаго дѣйствительности. Виновные въ насиліяхъ надъ демонстрантами и публикой остаются безнаказанными. Конечно, новѣйшая русская исторія знаетъ факты, еще болѣе возмутительные, хотя бы, напримѣръ, стрѣляніе въ упоръ въ толпу безоружныхъ рабочихъ въ Златоустѣ, массовыя порки крестьянъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ или избіеніе политическихъ узниковъ въ тюрьмахъ. Но описанное выше событіе происходитъ въ столицѣ, на глазахъ у министра внутреннихъ дѣлъ, говорящаго о довѣріи къ обществу, и потому это оно особенно характерно для современнаго режима и должно окончательно разсѣять иллюзіи тѣхъ, которые еще не потеряли надежды на возможность самыхъ элементарныхъ гарантій личности при нынѣшнемъ государственномъ строѣ.

Мы не считаемъ себя въ правѣ молчать, когда избиваютъ нашихъ сыновей и дочерей, нашихъ братьевъ и сестеръ за то только, что они являются выразителями требованій, вполнѣ опредѣленно высказанныхъ самыми разнообразными слоями русскаго общества. Не имѣя возможности напечатать это заявленіе, каждая частность котораго основана на многочисленныхъ письменныхъ показаніяхъ очевидцевъ, ни въ одномъ періодическомъ изданій въ Россіи, мы вынуждены помѣстить его за нашими подписями въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ.

Члены редакціи и сотрудники: „Русскаго Богатства“, „Міра Божьяго“, „Образованія“, „Новаго Пути“, „Правды“, „Вѣстника Права“, „Вѣстника Фабричнаго Законодательства“, „Права“, „Хозяина“, „Юриста“, „Экономической Газеты“, „Сына Отечества“, „Нашей жизни“, „Руси“ и другихъ періодическихъ изданій: А. Агафоновъ (членъ редакціи журнала „Міръ Божій“), Д. Аѳанасьевъ, И. Афанасьевъ, Вик. Ашешовъ, Вас. Анучинъ, Николай Анненскій, Левъ Бухъ, редакторъ-издатель „Экономической Газеты“, Барщъ, А. И. Богдановичъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, О. Е. Бужанскій (редакторъ журнала „Вѣстникъ фабричнаго Законодательства“), Н. А. Бердяевъ, Ю. Безродная, Н. Березинъ, Влад. Быховскій, В. В. Брусянинъ, И. Васильевскій (Не-Буква), Е. Водовозова-Семевская, В. Водовозовъ, Волжскій (Ал. Глинка), М. Винаверъ, Марія Водовозова (издательница), Л. М. Василевскій, Э. Гиппіусъ, Карлъ Бернардовичъ Гренхагенъ, А. Горнфельдъ, Влад. Гессенъ (редакторъ „Права“ и „Вѣстника Права“), П. Голованчевъ, Василій Голубевъ, К. А. Горбуновъ, С. И. Гурсевъ-Оренбургскій, І. В. Гессенъ, Е. Ганейзеръ, М. Гольдштейнъ, В. Гольдбергъ, Ю. Гессенъ, Конст. Диксонъ, А. Даманская (Діамантъ), С. Дивинскій, Б. Дубровская, Е. Елпатьевскій, И. Жилкинъ, В. Жаботинскій, Д. Е. Жуковскій, С. Займовскій, А. Ивановичъ-Писаревъ, Е. И. Игнатьевъ, Вл. Кранихфельдъ, В. Карпикъ, Е. Д. Кускова (издательница), Коллонтай, О. Купрiянова, Л. Клейнборгъ, А. Каминка, В. Ксандровъ, Вл. Короленко, П. Е. Кулаковъ, Н. Карабчевскій (редакторъ „Юриста“), Ю. Н. Лавринovичъ, Александръ Ламаканскій, Д. А. Линевъ (Далинъ), Мих. Алексѣевъ, Лихаревъ, Леонъ Давидовичъ Ляховскій, А. Лукьяновъ, Н. Лихарева, Мануилъ Марчуліесъ, В. Мякотинъ, Павелъ Моковскій, Д. Мережковскій, А. И. Матюшенскій, А. Милюкова, Л. Немановъ, М. Невѣдомскій (Михлашевскій), Александръ Новиковъ, А. Никольскій, Александръ Яковлевичъ Острогорскій (редакторъ журнала „Образованіе“), Ник. Бор. Полыновъ, П. П. Румянцевъ, В. В. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, Э. Пименова, А. Пѣшехоновъ, Л. Пантелѣевъ, С. Н. Прокоповичъ, С. Протопоповъ, Я. Л. Пацеръ, Дмитрій Дмитріевичъ Семеновъ, В. Семевскій, Л. А. Севъ, С. И. Стечкинъ (Сергѣй Соломинъ), И. С. Соколовъ, А. А. Суворинъ, (издатель „Руси“), В. Тотомьянцъ (членъ редакціи „Наша Жизнь“), Г. Фальборкъ, Дм. Вл. Философовъ, А. Фейгельсонъ, А. Финнъ (Енотаевскій), С. Л. Франкъ, Б. І. Харитонъ (С. От.*), В. В. Хижняковъ, Владиміръ Черноруссскій, Георгій Чулковъ, Гр. Шрейберъ (завѣдующій редакціей „Сынъ Отечества“), Григорій Штильманъ, З. Шадурская, Марія Шишмарева, М. А. Энгельгартъ, Сергѣй П. Юрицынъ (редакторъ-издатель „Сына Отечества“), Александръ П. Юрицынъ, С. Южаковъ, Александръ Яблоновскій, В. Яковлевъ (Богучарскій), П. Якубовичъ.

Адресъ Черниговскаго земства.

Ваше Императорское Величество!

Въ переживаемую нашимъ отечествомъ тяжелую годину войны и внутреннихъ неустройствъ, Черниговское Губернское Земское Собраніе рѣшается выразить Вамъ, Государь, свое глубокое убѣжденіе, что правильная дѣятельность общественныхъ учрежденій и всего государственнаго управленія совершенно невозможны при такихъ условіяхъ, какія давно уже переживаетъ Россія.

Бюрократическая система управленія, создавъ полную разобщенность Верховной власти съ населеніемъ, ревниво устраняя всякое участіе общества въ управленіи и охраняя полную обособленность и безотвѣтственность своихъ дѣйствій, довела страну до крайне тягостнаго положенія. Личность русскаго человѣка не ограждена отъ произвола властей; свободы совѣсти онъ лишенъ; оглашеніе въ собраніяхъ и въ печати злоупотребленій и нарушеній закона въ управленіи строго преслѣдуется; значительная часть Россіи находится подъ дѣйствіемъ усиленной охраны, крайне тягостной для населенія и дающей полный просторъ широкому произволу администраціи; судъ отъ сѣсненъ и ограниченъ въ дѣлѣ огражденія правды и закона. Такое положеніе дѣлъ создаетъ неисчислимыя бѣдствія населенія во всѣхъ проявленіяхъ его частной и общественной жизни и вызываетъ всеобщее недовольство.

Черниговское Губернское Земское Собраніе, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что водвореніе въ странѣ порядка, права и правды можетъ быть достигнуто единственно установленіемъ тѣснаго общенія Верховной власти съ народомъ, всеподданѣйше проситъ Ваше Величество услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія и проектъ этотъ дозвольте непосредственно представить Вашему Величеству.

Настоящій адресъ въ засѣданіи 5 декабря единогласно приняты Губернскимъ Собраніемъ.

Отъ ред. Черниговскій представитель на земскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, по дорогѣ въ свою губернію увѣрялъ кіевлянъ (см. „Искра“ № 79), что соціалъ-демократы неправы, когда обвиняютъ этотъ съѣздъ въ нежеланіи требовать *народнаго* представительства. Теперь черниговскіе земцы единогласно (а, слѣдовательно, и съ участіемъ г. Хижнякова) предлагаютъ царю созвать представителей *земствъ*, и только ихъ. Мы просимъ радикальнаго г. Васильа Водовозова объяснить намъ, считать ли г. Хижнякова измѣнившимъ резолюціямъ земскаго съѣзда?

Петербургъ.

Резолюція 2-ой сходки въ женск. медиц. институтѣ.

Слушательницы женскаго медицинскаго института, собравшись 3 дек. 1904 г. на общую сходку въ количествѣ 404 чел.; по призыву организаціи Женск. Мед. Инст. С.-Р. и С.-Д. партій, по обсужденіи текущихъ событій, вынесли слѣдующую резолюцію:

I. Привѣтствуя самоотверженныхъ борцовъ за свободу, Сазонова и Сикорскаго, и протестуя противъ безчеловѣчной расправы съ ними, мы просимъ ихъ принять и передать наше глубокое сочувствіе всѣмъ товарищамъ-борцамъ, томящимся въ тюрьмѣ и ссылкѣ, всѣмъ безстрашно выступившимъ противъ нашего общаго врага — самодержавія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ полную увѣренность въ томъ, что недалеко время, когда мы увидимъ ихъ всѣхъ свободными въ нашихъ рядахъ.

II. Событія послѣднихъ дней еще рѣзче подчеркнули истинную цѣну политики правительства, показали всю наивность надеждъ на измѣненіе существующаго порядка сверху.

III. Еще разъ подчеркивая сущность политики самодержавія и выражая полную солидарность съ товарищами, вышедшими на борьбу съ самодержавіемъ, мы требуемъ по прежнему:

1) Немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права;

2) Неприкосновенности личности, свободы слова, совѣсти, собраній, союзовъ, стачекъ;

3) Немедленнаго прекращенія войны;

4) Освобожденія и возвращенія всѣхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя убѣжденія.

IV. Мы призываемъ всѣхъ товарищей сплотиться и организоваться подъ знаменемъ революціонныхъ партій для дѣятельной и стойкой борьбы съ позорнымъ рабствомъ.

Москва. 21 ноября состоялся банкетъ. Въ большомъ залѣ Эрмитажа, залитаго свѣтомъ, собралось до 500 чел. Всѣ вновь прибывшіе записывали свое званіе, имя и фамилію. Кругомъ разставлены столы. Собрались вся соль и литературной и артистической Москвы. Собрались представители газетнаго міра, адвокатуры, медицины, земства, профессора, лаборанты, масса женщинъ. Здѣсь былъ Савва Морозовъ и представители рабочихъ, здѣсь былъ князь Шаховской, огромная фигура котораго показывалась въ разныхъ мѣстахъ (онъ былъ устроителемъ банкета). Здѣсь былъ графъ Толстой Сергѣй, были профессора Анучинъ, Соболевскій, Нагродскаго, Кизеветеръ, Каблуковы, Рожковъ и т. д. Здѣсь были: Вербѣшкая, Варвара Морозова, жена Саввы Морозова и артистки. Были Скалонъ, Энгель, Бларамбергъ, Шестаковъ, докторъ Жбанковъ, директоръ психіатрической больницы Яковенко, Баженовъ, Южинъ (Сумбатовъ), Боборыкинъ, Чириковъ. Много лысыхъ старцевъ, уже успѣвшихъ оглохнуть въ долгомъ ожиданіи конституціи и потому слушавшихъ ораторовъ съ приставленной къ уху, въ видѣ трубки, рукой, а много народу просто „интеллигентнаго“. Банкетъ открылся рѣчью профессора (?) Жданова. Это была хорошая рѣчь, но недостатокъ ея заключался въ ея академичности. Затѣмъ выступилъ психіаторъ Яковенко и крайне неудачно. Онъ сталъ проводить аналогію между Россіей и беременной женщиной. „Конституція, сказалъ онъ, это еще младенецъ въ утробѣ матери. Трудны эти роды, но трудные роды при извѣстныхъ средствахъ поддаются благополучному исходу. Стоитъ для этого произвести кесарево сѣченіе или сдѣлать поворотъ на ножку“. Послѣ этой фразы собраніе разразилось веселымъ смѣхомъ. Это была рѣчь, которая на моментъ придала банкету балаганный характеръ. За нимъ выступилъ пом. прис. пов. Покровскій. Его рѣчь была встрѣчена въ началѣ очень одобрительно. Онъ началъ такъ: „Граждане и сограждане“! Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію историческаго революціоннаго движенія въ Россіи, и этотъ моментъ былъ для него рѣшающимъ. Такъ какъ по составу банкетъ, пожалуй, былъ умѣренно-либеральенъ, то напоминаніе о революціонномъ движеніи, о процессѣ 193-хъ и т. д. вызвало у большинства либераловъ воспоминанія о тѣхъ ужасныхъ дняхъ, сразу ихъ охладило, и рѣчь была встрѣчена не особенно горячо. Карышевъ познакомилъ съ засѣданіемъ земцевъ въ Петербургѣ. Онъ нарисовалъ картину того, какъ съѣхались земцы, не знающіе или мало знающіе другъ друга, какъ они смутно, а то и непонятно, чувствовали себя, какъ ихъ *выручили* адреса, единодушно требовавшіе конституціи и какъ эти адреса поставили ихъ на рельсы. „Представьте, господа, говорилъ Карышевъ, съѣхались самые различные люди. Кромѣ того мы знали, что будутъ на съѣздѣ и предсѣдатели губернскихъ управъ, т. е. чиновники. Мы каялись, что дѣлать, и вотъ опредѣленно и единодушно со всѣхъ концовъ Россіи намъ стали говорить въ адресахъ, чего отъ насъ хотятъ. Представьте себѣ насъ, которые всю жизнь молча думали о времени, когда мы сможемъ свободно говорить о себѣ, о своихъ нуждахъ, и вы поймете, какой моментъ былъ, когда мы выработали наши резолюціи. Глубокое волненіе охватило насъ. Мы всѣ по внутреннему мановенію души встали и съ необыкновеннымъ возбужденіемъ зааплодировали. Другой торжественный моментъ былъ тогда, когда резолюціи были написаны: нужно было ихъ подписать. Затаивъ дыханіе, мы стояли. И когда предсѣдатель Шиповъ сталъ вызывать по алфавиту и попросилъ подписать, и когда первый изъ насъ взялъ перо и подписался, мы всѣ облегченно вздохнули и смѣло стали подписывать свои фамиліи. Мы видѣли и ясно осязали, что дѣло было сдѣлано! Мы видѣли: вотъ на столѣ лежитъ историческій документъ!“ (Неправда ли, какая прекрасная картина психологія русскаго либерала. Они боялись и хотѣли. Они аплодировали самимъ себѣ, увидѣлъ, что они смогли сказать. Они боялись, что не подпишутъ, и одинъ, первый, доказалъ имъ, что они могутъ подписать). Послѣ этого говорилъ депутатъ отъ студентовъ клиницистовъ (всѣхъ депутатовъ было пять) Невядомскій. Онъ сказалъ слѣдующее: „Мы пришли заявить русскому обществу отъ студентовъ медиковъ клиницистовъ свое привѣтствіе. Но, считая себя элементомъ русской интеллигенціи, мы считаемъ себя обязанными высказать и наше мнѣніе. Мы не вѣримъ въ „весну“. Въ то время, когда намъ говорятъ о свободѣ печати, газеты „Право“, „Наша жизнь“ и „Сынъ отечества“ получаютъ предостереженія, въ то время, когда намъ говорятъ о законности, на Ярославскомъ вокзалѣ избиваютъ студентовъ, а у Тенишевскаго училища дико скачетъ эскадронъ, давя публику. Мы не вѣримъ въ „весну“. Наоборотъ, наступаетъ лишь конецъ зимы. Весны не можетъ быть по распоряженію начальства. Но мы думаемъ, что всѣ силы русскаго объединеннаго народа должны создать весну сами. Видя широкое пробужденіе русскаго общества, мы выражаемъ ему горячее привѣтствіе и присоединяемся къ нему въ его требованіяхъ“. Студенты были встрѣчены долгими рукоплесканіями. Затѣмъ Малянтовичъ прочелъ резолюцію адвокатуры и провинсъ рѣчь. Въ этой рѣчи онъ превзошелъ самого себя. Эта была самая лучшая рѣчь. Одинъ Малянтовичъ (прис. повѣр.) спасъ собраніе, онъ вывелъ его на своихъ плечахъ. „Господа, сказалъ онъ (приблизительно), настало время, когда всѣ мы ясно и опредѣленно, единогласно и смѣло должны заявить, что мы хотимъ управлять страной. Настало время, когда никто не мо

терниинскій проспектъ и съ криками: „впередъ, бей полицію, долой самодержавіе!“, двинулись по проспекту, разбрасывая прокламаціи и выставляя красные флаги.

Въ толпѣ этой было много женщинъ, которыя махали шляпами и платками, приглашая рабочихъ и служащихъ въ разныхъ заведеніяхъ присоединиться къ толпѣ, многіе изъ толпы поддошли къ паровой мельницѣ братьевъ Гезе и криками и угрозами приглашали рабочихъ присоединиться къ нимъ. Нѣкоторые въ толпѣ были вооружены разной величины палками, другіе шли съ камнями въ рукахъ и, при попыткѣ полицейскихъ чиновъ остановить ихъ, бросали въ нихъ камнями; около зданія цирка одинъ изъ евреевъ пустилъ, при помощи резины, камень въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ въ околодочнаго надзирателя Стрекозова; Стрекозовъ успѣлъ наклониться, а камень, попавъ въ дверь цирка, выбилъ въ ней доску. Толпа хотѣла пройти весь городъ, но около Зимняго театра ей путь преграженъ былъ ротою солдатъ, щедящихъ съ барабаннымъ боемъ; толпа пріостановилась и подалась назадъ; часть толпы, перескочивъ черезъ заборъ, проникла въ техническій садъ и оттуда произвела нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ нихъ былъ раненъ въ ногу стоявшій близъ сада конный городовой Андрюшенко, а остальная толпа стала разбѣгаться съ проспекта въ прилегающія улицы; при этомъ многіе изъ толпы, не допуская полиціи задержать выдавшихся участниковъ безпорядковъ, нападали на полицейскихъ чиновъ и бросали въ нихъ камнями; околодочныхъ надзирателей Панѣева и Скопина окружила со всѣхъ сторонъ и грозили имъ насиліемъ; спасаясь отъ разъяренной толпы, Панѣевъ и Скопинъ принуждены были стрѣлять изъ револьверовъ; въ отвѣтъ на это изъ толпы также раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Разсѣянная прибывшими конными городовыми толпа въ значительномъ количествѣ въ тотъ день не собиралась. 9-го августа въ городѣ, въ разныхъ мѣстахъ, собрались небольшія группы народа, причемъ тогда, человѣкъ болѣе 20-ти, на Петербургской улицѣ, подойдя къ мельницѣ Розенберга, кричала рабочимъ, чтобы они прекратили работу; толпа около Брянскаго завода не пускала рабочихъ, желавшихъ продолжать работы, схватывала ихъ и заставляла ихъ присоединяться къ собравшимся; а въ толпѣ, собравшейся на 3-й улицѣ Чечелевки и состоявшей преимущественно изъ евреевъ, кто-то говорилъ, убѣждая собраться на слѣдующій день на той же Чечелевкѣ и поясняя, что толпа своего добьется. Всѣ эти сборища, однако, были разсѣиваемы полиціей.

10-го августа, часовъ съ 8 утра, на 1-й и 3-й улицахъ Чечелевки и Брянской площади собралась толпа, болѣе тысячи человѣкъ; толпа шумѣла, въ ней раздавались крики: „долой самодержавіе“ и разбрасывались преступнаго содержанія печатныя воззванія. Наблюдавшій за всѣмъ происходившимъ околодочный надзиратель Кузнецовъ съ немногими городовыми безсилевъ былъ остановить толпу и послѣдняя безчинствовала въ теченіе двухъ часовъ, пока на мѣсто сборища не прибылъ извѣщенный Кузнецовымъ полиціймейстеръ съ конными городовыми. Увидя полиціймейстера, бывшіе впереди толпы, преимущественно евреи, стали размахивать шляпами и палками, убѣждая толпу „стоять стойко“; съ криками: „бей полиціймейстера“, толпа стала бросать камни въ городовыхъ, а нѣкоторые изъ толпы, окружившіе надзирателя Кузнецова и бросая въ него камни, грозили его разорвать. Въ это время на мѣсто происшествія прибыли вызванные полиціймейстеромъ казаки 7-го Донского казачьяго полка и одинъ изъ нихъ, спасая Кузнецова, выстрѣлилъ изъ ружья; устрашенная этимъ, толпа разступилась и Кузнецовъ успѣлъ бѣжать. Окруженная казаками и городовыми толпа, бросая въ нихъ камни, стала разбѣгаться въ улицы и по дворамъ, причемъ часть толпы скрылась въ недостроенномъ трехъэтажномъ домѣ Кирпотина и оттуда изъ оконъ продолжала бросать въ казаковъ камни. Домъ этотъ былъ окруженъ казаками и городовыми и многіе изъ скрывшихся въ немъ были задержаны, при чемъ у нѣкоторыхъ отобраны были камни, а въ домѣ и дворѣ найдены выброшенныя печатныя воззванія. По разсѣяніи этой толпы, другихъ значительныхъ сборищъ народа, оказывающихъ сопротивленіе полиціи, въ городѣ не было. Въ поселкѣ Амуръ-Н. Днѣпровскъ 7 августа работы на заводахъ не прекращались и участковый фабричный инспекторъ Кухта, посѣтившій въ тотъ день заводы, отъ рабочихъ никакихъ заявленій не получалъ. 8-го же августа, около полудня, рабочіе машиностроительнаго и эстампажнаго заводовъ прекратили работы и, направившись толпою къ расположеннымъ вблизи оцинковальному, трубопрокатному и печному заводамъ, убѣжденіями и угрозами заставили рабочихъ этихъ заводовъ прекратить работы и присоединиться къ забастовавшимъ. Образовавшаяся у заводовъ толпа, однако, скоро была разсѣяна полиціей и когда въ тотъ же день, вечеромъ, въ поселокъ прибылъ фабричный инспекторъ Кухта, онъ засталъ возлѣ заводовъ человѣкъ 150 рабочихъ, которые прекращеніе работъ объяснили требованіями 8-ми часового рабочаго дня, увеличеніи заработной платы, уничтоженія штрафовъ и вѣжливаго обращенія съ ними мастеровъ и просили разрѣшенія собраться рабочимъ всѣхъ заводовъ для заявленія этихъ требованій; выслушавъ разъясненія Кухты, что предъявленіе требованій скопомъ воспрещено, рабочіе разошлись. 9 августа, съ утра прекратились работы и въ мѣстныхъ желѣзнорожныхъ мастерскихъ, послѣ чего, часамъ къ 10 утра, у заводовъ собралась толпа рабочихъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Толпа волновалась и шумѣла, въ ней слышны были крики: „требуйте ваши законныя права“ и пачками раздавались печатныя воззванія, которыя нѣкоторыми въ толпѣ въ то же время и оглашались. Побуждаемая криками вожаковъ, большею частью евреевъ и евреекъ, прибывшихъ изъ города Екатеринослава, „товарищи, соединяйтесь, впередъ, солдаты стрѣлять не будутъ, имъ запрещено,“ толпа, выставляя красные флаги и съ криками „ура“, „долой самодержавіе“, двинулась на Николаевскую площадь поселка. На площади этой находились войска, которыя толпу и разсѣяли. 10 августа на той же площади вновь собралась значительная часть рабочихъ и, когда на площадь прибылъ уѣздный исправникъ, кто-то изъ толпы, приспѣвъ землю, сталъ выкрикивать требованія рабочихъ: о 8-ми часомъ рабочемъ днѣ, увеличеніи заработной платы, освобожденіи арестованныхъ въ городѣ за безпорядки и другія; на предложеніе исправника разойтись, рабочіе отвѣтили согласіемъ и, дѣйствительно, разошлись, но къ работамъ не приступали. На слѣдующій день, однако, 11-го августа, утромъ, на той же площади вновь собралась толпа рабочихъ, болѣе 500 человѣкъ; въ толпѣ этой раздавались крики: „долой самодержавіе“ и разбрасывались печатныя воззванія; для разсѣянія этой толпы полиція должна была прибѣгнуть къ содѣйствію военной силы. Другихъ затѣмъ сборищъ въ поселкѣ Амуръ-Н. днѣпровскъ не было и 13 августа работы на всѣхъ заводахъ возобновились. Въ дни безпорядковъ въ городѣ Екатеринославѣ и въ поселкѣ Амуръ-Н.-днѣпровскъ, на мѣстѣ сборищъ, полицией было поднято множество разбрасываемыхъ толпой воззваній, одни изъ коихъ призывали рабочихъ устроить общую забастовку, выходить на улицы и „ставъ подъ красныя знамена“, требовать 8 ми часоваго рабочаго дня и замѣны существующаго образа правленія народнымъ представительствомъ; другія были обращены къ солдатамъ, убѣждали послѣднихъ не стрѣлять въ безоружную толпу и порицали установленный законами образъ правленія. При разсѣяніи скопищъ, оказавшихъ сопротивленіе полиціи и войскамъ, полицейскій урядникъ Ахушковъ получилъ двѣ легкія раны въ голову, раненъ былъ пулей въ ногу полицейскій городовой Андрюшенко и легко ушиблены камнями: полиціймейстеръ Машевскій, начальникъ Екатеринославскаго отдѣленія Кременчугскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ ротмистръ Остромысленскій, приставъ 1-й части г. Екатеринослава Крюковъ, конный ординарецъ 135-го Керчь-Еникальскаго пѣхотнаго полка Савенко и болѣе 20 нижнихъ чиновъ полицейскихъ и воинскихъ. Во время безпорядковъ и по прекращеніи таковыхъ, полицией были задержаны многія лица замѣченныя въ толпѣ. Задержанные были предъявлены всѣмъ чинамъ полиціи и войска, принимавшимъ участіе въ разсѣяніи скопищъ, и при этомъ выяснилось, что въ шествіи толпы по улицамъ и въ оказаніи сопротивленія полицейской власти, числѣ многихъ другихъ принимали участіе: (слѣдуетъ перечисленіе обвиняемыхъ).

...сказать обществу, что его требования, его желания — „безумныя мечтания". Господа, чѣмъ опредѣленнѣе мы выразимся, тѣмъ прочнѣе наша сила. Прошло время просить, время требовать. Я предлагаю minimum того, что можетъ требовать великій, уважающій себя русскій человѣкъ: Немедленно представительное правленіе". Здѣсь собраніе встало и страшно шумно привѣтствовало эту резолюцію (подробная резолюція и мотивы поручены бюро. Въ него входятъ адвокатъ, которое „радикала" и нѣсколько гласныхъ земцевъ). Затѣмъ произошелъ неожиданный скандалъ. Поднимается какой-то старикъ и ехиднымъ тонкимъ голосомъ говоритъ: „Господа, вотъ мы постановили, что необходимъ представительный образъ правленія. Но какъ объ этомъ сообщить всей Россіи? Вотъ здѣсь среди насъ сидятъ представители газеты, считающей себя органомъ интеллигенціи... Это — „Русск. Вѣд". Вонъ они сидятъ. Если они считаютъ себя таковыми, то пусть это докажутъ и напечатаютъ все, что здѣсь происходило". Старичекъ сѣлъ. Это оказался докторъ Жбанковъ. Поднялся невообразимый шумъ. Этотъ моментъ раскололъ русскихъ либераловъ на двѣ части: на болѣе умѣренную, оказавшуюся въ большинствѣ и ставшую за „Р. В.", и болѣе демократическую, шикавшую и свиставшую ораторамъ — заступникамъ „Р. В". Подъ господинъ, который рѣзко сказалъ: „здѣсь говорили о свободѣ, а между тѣмъ надъ „Р. В". хотѣли сдѣлать насиліе. Это жонглированіе словомъ свобода!"

Вскочилъ Малянтовичъ!

„Извините, вскрикнулъ онъ, великій газетный органъ, который считаетъ себя выраженіемъ русскаго прогрессивнаго общества, который думаетъ, что онъ служитъ его интересамъ, считаетъ его болѣзнями и страдаетъ его страданіями, обязанъ печатать это въ тотъ моментъ, когда общество достигло высшаго напряженія въ своемъ стремленіи къ свободѣ. Всѣ здѣсь знаютъ, что такое свобода. И „Моск. Вѣд". тоже стоитъ за свободу, когда упрекаютъ либераловъ въ томъ, что они продались имъ. И тотъ, кто думаетъ, что мы жонглируемъ свободой — самъ жонглеръ!"

Предсѣдатель. — Я дѣлаю оратору замѣчаніе за непарламентское выраженіе.

Малянтовичъ. — Простите, я повторяю, что „Рус. Вѣд". должны напечатать. Пусть онъ закроютъ! Пусть они лучше закроютъ, чѣмъ позорно будутъ существовать, ибо сейчасъ смерть есть жизнь!"

Ораторъ Соколовъ: — Господа, вы заставляете „Рус. Вѣд". напечатать, а Вы подпишетесь подъ своимъ требованіемъ представительнаго правленія?

Малянтовичъ — Господа, смѣшно намъ тратить время на пустяки. Вѣдь 500 человѣкъ до утра не подпишутъ. Всѣ мы идемъ сюда, знаю, зачѣмъ идемъ. Мы подосчывали свои фамиліи при входѣ. Я убѣжденъ, что собраніе согласится приложить этотъ списокъ въ видѣ подписей къ резолюціи.

Собраніе единогласно соглашается. Говоритъ Бларамбергъ за защиту „Рус. Вѣд.", объ ихъ сорокалѣтнихъ служеніи; возразилъ: „Это то и плохо, что вы 40 лѣтъ существовали. Порядочная газета столько не просуществуетъ!"

Крикъ: „Довольно говорить о такой дряни. Слишкомъ много чести." Шумъ, крикъ, предсѣдатель усиленно звонитъ. Малянтовичъ предлагаетъ передать резолюцію въ центральное земское бюро и довести до свѣдѣнія министра, что постановленіе состоялось тогда-то и находится тамъ-то". Собраніе принимаетъ. Послѣ этого предсѣдатель Доброхотовъ отказывается дѣлать рѣзюме и трусливо убѣгаетъ. Собраніе безъ конца. Всѣ или расходятся, или начинаютъ ужинать.

Москва. Вчера здѣсь состоялась демонстрація, афишированная „с.-р.-ами", устроенная студентами.

Объявлена была демонстрація на сходкѣ въ университетѣ, а на другой день появились соотвѣтствующія письменныя приглашенія.

Возбужденіе царило очень сильное. Болѣе довѣрчивые говорили о 12.000 рабочихъ, съорганизованныхъ „с.-р.-ами", другіе о 2.000, иные о 800. Демонстрація обѣщалась вооруженной, готовилось множество флаговъ. Въ концѣ концовъ настроеніе создалось. Пошли и тѣ, кто не считалъ демонстрацію своевременной.

Полиція приняла свои мѣры. Были присланы казачьи подкрѣпленія изъ провинціи. Всю ночь на 5-е происходило движеніе. Въ манежѣ были казаки, драгуны, жандармы, полиція, пѣхота. Сосредоточены были большія силы въ „Московскихъ Вдоволостяхъ" на Страстномъ бульварѣ. Мелкими отрядами полиція была помѣщена чуть ли не во всѣхъ крупныхъ дворахъ большого района. Были наняты дворники по 50 коп. „на рыло". Всѣмъ охотно сообщался планъ демонстраціи и, какъ можно судить по принятымъ мѣрамъ, не былъ безызвѣстенъ и тѣмъ кому это было нужно. Планъ былъ таковъ: собираются 1 у кофейни Филиппова (Тверская), 2 въ Брюсовскомъ пер. и 3 на Неглинной. По данному сигналу всѣ соединяются и громятъ кн. Сергѣя. Полиція бѣжитъ.

Студенты „соц.-демокр." т. е. студенты, группирующіеся вокругъ С.-Д. О. В. У. З.) собрались на Страстномъ бульварѣ, и, затѣмъ большинство ихъ присоединилось къ главной массѣ.

До 12 час. ничто не выдавало тайны грядущаго переворота. Полиція была спрятана, на улицѣ обращали вниманіе только стоявшія на Тверской и Никитской (а можетъ быть и еще гдѣ нибудь) группы по 5-7 чел. какъ будто рабочихъ, но съ военной выправкой и склонностью къ дисциплинѣ. Только кофейня Филиппова была полна слушателями высшихъ учебныхъ заведеній. Преобладали студенты Московскаго университета, за ними шли сел. хоз., техники и межевики терялись совѣмъ. Скоро Тверская стала наполняться по тротуарамъ бродящими студентами, курсистками и просто публикой — интеллигенціей. Въ часъ вышли изъ кофейни почти всѣ. Двери заперли и оставшаяся кучка съ трудомъ добилась, чтобы ее выпустили, начавъ ломать дверь[1]. Демонстрація началась въ 1 ч. 10 мин. Продолжалась ровно 5 минутъ, по словамъ одной слѣдившей курсистки. Съ тротуаровъ быстро сбѣжали на улицу и образовалась толпа, исключительно изъ слушателей и слушательницъ высш. учеб. зав. Если и были посторонніе, они затерялись. Впереди былъ рядъ курсистокъ, дальше нѣсколько рядовъ студентовъ, за ними шли кучей въ безпорядкѣ (всего было человѣкъ 300-400). Тотчасъ впереди демонстраціи появились стройные ряды 8-12 вершковыхъ полицейскихъ. Къ удивленію, они быстрымъ шагами пошли впереди демонстрантовъ, а не на нихъ. Потомъ они освободили одну половину улицы. Пѣвшіе студенты съ крикомъ бросились въ образовавшійся проходъ. У дворца Сергѣя въ два (кажется) ряда выстроились конные жандармы. Шеренга городовыхъ отступила при чемъ рядъ студентовъ двинулся невольно на нихъ и вдругъ выхватила сабли и бросилась на находившихся противъ. Чернышевскаго переулка студентовъ. Засверкали шашки, сливаясь въ блестящія полосы, раздались крики. Задніе ряды въ паникѣ бросились обратно. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Видно было, какъ кучами падали люди (невольно думалось, что это трупы, при видѣ взмахов шашекъ — били со всего размаха), слышны были удары[2] чули лись разбитые черепа). Впечатлѣніе дополнилось бѣжавшимъ безъ шапки студентомъ. Голова его была разсѣчена, изъ раны струйка 1½—2 длины, текла кровь. Нѣсколько студентовъ бросилось обратно къ Филиппову. Тутъ произошла скверная исторія. Ихъ встрѣтили булочники криками: „не пустимъ". Вышла драка... Приставъ или околодочный стрѣлялъ (minimum три выстрѣла) въ толпу, но были ли жертвы, не знаю. Можетъ быть выстрѣлы были холостые. Городовые били, главнымъ образомъ, плашмя, при чемъ ...если удары всегда соотвѣтствовали размаху, то количество тяжело-раненныхъ было бы несомнѣнно весьма велико. Но и такъ, было немного менѣе рубленныхъ ранъ (и видать пять). Полицейскій околодочные были жестоко. Немедленно послѣ перваго избіенія, въ качествѣ провокатора, провѣзда матушка „Иверская". Ея слегка посвистали, но тотчасъ перестали. Вѣдная матушка „Иверская", какъ ее разносторонне-подло эксплуатируютъ. Потомъ она, не возбуждая вниманія, ѣздила съ двумя жандармами по бокамъ. Городовые крестились на матушку и начинали бить, какъ и прежде да записывать номера ругающихъ ихъ извощиковъ (у которыхъ органическая рознь съ полиціей).

Организація избіенія была „артистическая", толпу разсѣкали на двое и гнали въ разныя стороны. Первая демонстрація была разсѣяна полминуты послѣ нападенія. Часть разбитой толпы побѣжала на Дмитровку, часть на Тверской бульваръ. На Дмитровкѣ соединились съ шедшими со Страстного бульвара человѣкъ 50) съ флагомъ и пѣніемъ. Дали соединиться и опять избили, при чемъ опять полицейскій чинъ не ниже околодочнаго сдѣлалъ minimum три выстрѣла. Я видѣлъ, какъ оттуда увозили штатскаго съ разсѣченнымъ лицомъ. На Тверскомъ бульварѣ дали опять соединиться человѣкамъ 100-150, причемъ появилось много штатскихъ, повидимому не шпиковъ, судя по дѣйствіямъ полиціи, — мелкихъ торговцевъ, мастеровыхъ, интеллигентовъ. Собравшись, запѣли Марсельезу, (пропѣли три куплета) и быстро пошли по Никитской. Полиція (городовые) бросилась вслѣдъ, разсѣкала толпу и разогнала. Я видѣлъ одного съ окровавленной головой.

Къ тремъ часамъ все было тихо, только по Тверской до ночи ходила возбужденная толпа изъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и просто любопытныхъ. Въ Брюсовскомъ переулкѣ и на Неглинной первоначально никто не сосредоточился. 12.000 рабочихъ не оказалось. Это произвело удручающее впечатлѣніе на студенческую неосвѣдомленную и политически незрѣлую массу, которая шла повинуясь одному чувству. Проходилось слышать возгласы: „насъ обманули". Многіе задолбились и въ первую минуту горячо утверждали, что они придутъ завтра, но съ револьверами... Меньшинство твердо рѣшило: мы пріѣдемъ на демонстрацію, но пріѣдемъ, когда будемъ силой, а пока „работать, работать и работать".

Изъ тайнъ чернаго кабинета (точная копія).

московскій почтъ-директоръ. *Совершенно секретно.*

Милостивый Государь,
Дмитрій Федоровичъ!

Вслѣдствіе письма отъ 8 сего апрѣля за № 3271, о задержаніи и доставленіи въ Охранное Отдѣленіе корреспонденціи съ адресомъ: Москва, Большой Палашевскій переулокъ, домъ Добычина, кв. № 49, на имя дочери священника Лидіи Григорьевой Синцеровой (Сонцеровой), имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что о задержаніи означенной корреспонденціи въ Московскомъ Почтамтѣ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

При этомъ имѣю честь присовокупить, что, въ случаѣ полученія такой корреспонденціи въ Москвѣ, я буду имѣть честь увѣдомить Ваше Превосходительство дополнительно.

Его Пр-ству Д. Ф. Трепову. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и искренней преданности.

Всегда готовый къ Вашимъ услугамъ К. Радченко.

№ 15464
9 апрѣля 1904 г.

Адресъ московскихъ студентовъ и курсистокъ профессору В. И. Герье.

Владиміръ Ивановичъ!

Роль, которую Вы играли въ только что закончившемся, знаменитомъ отнынѣ: собраніи Московской Городской Думы, заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ:

30 ноября, во время засѣданія московской городской думы, впервые за все время своего существованія вотировавшей по становленія общегражданскаго характера, указывающія на настроеніе нашей родины и призывающія къ объединенной работѣ всѣхъ, въ комъ не заглохло еще чувство гражданина, Вы одинъ изъ всѣхъ гласныхъ вмѣстѣ съ кущомъ. Найденовымъ позорно отказались отъ Вашей подписи.

Вы, претендовавшій ранѣе на званіе гражданина, являетесь теперь отщепенцемъ всего русскаго мыслящаго общества, Вы — единомышленникъ гг. Гриншуна и Мещерскаго, но Вы, къ позору русской науки и нашего университета, продолжаете быть нашимъ профессоромъ.

Ваше прошлое, Ваша подпись подъ знаменитымъ „возваніемъ" гг. профессоровъ къ студентамъ съ упрекомъ въ томъ, что они „бунтуютъ", забывая свой долгъ передъ обществомъ и народомъ и „даромъ ѣдятъ народный хлѣбъ": Ваше посѣщеніе подъ охраной жандармовъ манежа и тюремъ для цѣлей полицейскаго свойства, Ваше открытое присутствіе на жандармскихъ дознаніяхъ о курсисткахъ въ Бутырской тюрьмѣ, — давали намъ не разъ поводъ выражать свое негодованіе. Теперь же Вашъ демонстративный отказъ въ подписи подъ тѣмъ, подъ чѣмъ подписывается вся мыслящая Россія, слишкомъ опредѣленно обрисовываетъ Васъ, чтобы оставалось хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, съ кѣмъ мы имѣли и имѣемъ дѣло, и даетъ намъ право еще разъ выразить наше презрѣніе, не скрывать его передъ лицомъ всего общества, а потому предать все это гласности.

3 декабря этотъ адресъ былъ прочитанъ Герье въ университетѣ. Онъ „по болѣзни" отказался читать лекціи и ушелъ подъ свистъ студентовъ изъ аудиторіи. 4 декабря, однако, онъ читалъ уже на женскихъ курсахъ, тамъ ему тоже должно быть прочитанъ этотъ адресъ.

Кременчугъ. 3 декабря за городомъ состоялось массовое собраніе, которое закончилось возмутительнымъ избіеніемъ.

Къ восьми часамъ вечера въ открытой степи собралось человѣкъ до 200[1]. Явились ораторы, и были произнесены двѣ рѣчи по поводу положенія дѣлъ на дальнемъ Востокѣ, какъ вдругъ нагрянула въ большомъ количествѣ полиція. Многіе изъ присутствовавшихъ были въ первый разъ на собраніи. При ходомъ залахъ полиціи, они бросились бѣжать, несмотря на призывы остальныхъ остановиться и дать отпоръ. Оставшіеся 80 человѣкъ были арестованы и отведены въ полицію, гдѣ ихъ по очереди прогоняли сквозь строй городовыхъ, вооруженныхъ нагайками. „Представьте себѣ, пишетъ рабочій, правильно выстроенный двойной рядъ... Вытаскиваютъ парня и вталкиваютъ его между рядами, и такъ каждый его стегаетъ нагайкой, затѣмъ избитаго поворачиваютъ обратно и повторяется то же. Это была какая то вакханалія; я и еще нѣсколько человѣкъ стояли около четвертаго участка, и каждый ударъ нагайки, каждый стонъ проходившаго сквозь строй отзывался болью, вызывалъ чувство злобы и отчаянія".

Въ другомъ письмѣ разсказываютъ, что люди, живущіе по сосѣдству съ четвертымъ участкомъ, разбѣжались въ своихъ квартиръ, не будучи въ состояніи вынести страшныхъ криковъ, несшихся со двора.

Невольно приходитъ въ голову сравненіе. Вѣдь, третьяго декабря „весна" была еще въ разгарѣ и, вѣроятно, въ то самое время — часъ въ десятомъ — когда полиція позволяла нѣкоторымъ участку своихъ жертвамъ, въ разныхъ городахъ интеллигентные люди сходились на банкеты, чтобы послушать хорошихъ рѣчей и постановить радикальныя революціи. Замѣтьте при этомъ, что нѣдь „массовки" вовсе не демонстраціи. Если по обѣдовкѣ (холодная декабрьская ночь въ открытой степи), она прямо противоположны банкетамъ, то по цѣли аналогичны. Въ разныхъ пустыряхъ, яѣмахъ и оврагамъ рабочіе собираются именно затѣмъ, чтобы слушать свободныя рѣчи, причемъ, если полиція проѣзжаетъ, собранія часто заканчиваются резолюціями, но, по меньшей мѣрѣ, такъ же часто и нагайками. А рабочіе все таки собираются.

Въ № 80 „Искры" въ одной изъ корреспонденцій, рисующихъ настроеніе нашей разночинной интеллигенціи, говорится, что многихъ въ ея средѣ банкеты уже не удовлетворяютъ, говоритъ промежъ себя уже не хочется, „все сказано". „Дальше нужно дѣло, а дѣло то пока не налаживается". Почему бы такой интеллигенціи, если она, дѣйствительно, жаждетъ „дѣла", не подѣлиться остатками дарованной ей „весны" съ рабочими, которымъ она не дарована. Ей слѣдуетъ устраивать уже ненужные ей банкеты и отдавать ихъ рабочимъ, подъ изъ массовки, которыя они покупаютъ теперь такой дорогой цѣной.

Къ банкету въ Ростовѣ н/Д. Въ дополненіе къ корреспонденціи, помѣщенной въ № 80 „Искры", можно сообщить слѣдующія подробности: когда, послѣ рѣчи присяжнаго-повѣреннаго Берберова, попросилъ слова представитель рабочихъ, предсѣдатель отказалъ ему въ виду того, что онъ не входитъ въ списокъ ораторовъ; „если вы хотите говорить о рабочихъ, объ ихъ требованіяхъ, отчего вы сами не собираетесь дома (!), а пришли мѣшать (!) нашему празднику". Въ публикѣ раздались крики: „мы требуемъ, чтобъ онъ говорилъ", но буржуазная часть публики поддержала предсѣдателя. Кончилось тѣмъ, что оратору предложили говорить по окончаніи оффиціальнаго списка ораторовъ. Адвокатъ Севастіяновъ, антисемитъ и организаторъ февральской патріотической демонстраціи, хотя и говорилъ „либерально", былъ прерываемъ шипканьемъ и свистомъ. О политической свободѣ говорилъ, главнымъ образомъ, товарищъ директора Азовско-Донскаго коммерческаго банка Коганъ (онъ же прочелъ резолюцію). Присяжный повѣренный Уткинъ говорилъ объ амнистіи по политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Резолюція либераловъ была прочтена до того, какъ было дано слово представителю рабочихъ, не смотря на то что часть публики требовала, чтобы онъ говорилъ до чтенія резолюціи. Послѣ него говорилъ еще, между прочимъ, сотрудникъ мѣстной газеты заявившій: „либеральный трезвонъ" раздавался у насъ не разъ, но правительству всегда удавалось раздавить кучу либераловъ. Мы можемъ добиться результатовъ только, когда всѣ либералы *присоединятся къ бортющемуся пролетаріату*".

Харьковъ. На 5-ое декабря предполагался банкетъ по случаю сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, въ которомъ долженъ былъ принимать участіе весь цвѣтъ мѣстной адвокатуры, медики и т. д. Студентовъ рѣшили *не пускать ни подъ какимъ видомъ*, мотивируя это тѣмъ, что очень мало мѣста. Конечно, дѣло не въ мѣстахъ, а въ страхѣ передъ возможностью повторенія исторіи въ Юридическомъ Обществѣ (Кстати: туда уже также не пускаютъ — можно попасть только по билету, по рекомендаціи члена.) За полчаса до начала банкета, вице-губернаторъ Азанческій прислалъ приказъ, въ которомъ говорилось, что по причинамъ, которыхъ не можетъ объяснить, запрещаетъ собраться и просятъ дать свои подписи. Всѣ 182 члена подписались, но благополучно собрались и говорили рѣчи на разныя темы, вплоть до 4-хъ часовъ утра.

Сегодня по городу дефилируютъ конные патрули и масса пѣшихъ казаковъ.

ИЗЪ КАЗАРМЪ.

Севастополь. Въ ноябрѣ вспыхнуло среди матросовъ возмущеніе. Недовольство среди нихъ давно уже достигло значительной степени. Казарменный режимъ становился все строже, ихъ обворовывали на пищѣ, заваливали службой и работой въ порту, причемъ, подъ конецъ лишили полагавшейся за эту работу платы; на войну отправляли безъ предупрежденій, не давая даже проститься съ родными и устроить свои дѣла. Все это вызывало среди матросовъ глухое броженіе, не разъ прерывавшееся отдѣльными вспышками въ томъ или иномъ видѣ. Напримѣръ, запасные не приняли разъ обѣда; когда же двоихъ изъ нихъ арестовали, остальные заставили освободить ихъ. Одинъ матросъ при отправкѣ на Дальній Востокъ громогласно обругалъ офицера, толкнувшаго его жену. Въ другой разъ, уѣзжавшіе на Дальній Востокъ матросы, какъ только поѣздъ сталъ отходить отъ вокзала, отвѣтили на привѣтствія провожавшаго ихъ адмирала тѣмъ, что забросали его всевозможными предметами, попавшимися въ эту минуту подъ руку. Послѣдняя волненія, принявшія громадныя размѣры, были вызваны новымъ распоряженіемъ администраціи градоначальства, переполнившимъ чашу терпѣнія матросовъ. Администрація рѣшила снести лачуги, расположенныя возлѣ флотскихъ казармъ. Въ этихъ лачугахъ ютилась всякая бѣднота; между прочимъ, здѣсь же помѣщались и семьи матросовъ. Зная настроеніе матросовъ и опасаясь, чтобы они не вступились за обижаемыхъ, градоначальникъ (контръ-адмиралъ Спицкій) попросилъ главнаго командира Чухнина не выпускать въ этотъ день матросовъ изъ казармъ. Чухнинъ далъ свое согласіе, прибавивъ, что онъ вообще намѣренъ взять матросовъ изъ ежевыя руковицы. Приказъ этотъ сталъ извѣстенъ матросамъ и сразу вызвалъ у нихъ возбужденіе. Часовъ въ шесть вечера, когда въ казармы возвращаются всѣ, находящіеся въ „нарядахъ", и когда матросы привыкли послѣ службы уходить въ городъ, на дворѣ казармъ высыпало, точно по сигналу, свыше десяти тысячъ (?) человѣкъ, потребовавшихъ, чтобы имъ немедленно открыли ворота. Дежурный офицеръ отвѣтилъ отказомъ. Въ нихъ ворота были вынесены изъ массивныхъ каменныхъ устоевъ и разнесены въ дребезги. Матросы, перебивъ стекла въ казармахъ, направились къ офицерскимъ флигелямъ, расположеннымъ тутъ же недалеко отъ казармъ. Двинулись они туда съ криками: „ура"! „Долой Чухнина", „Долой войну". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавались крики: „долой самодержавіе!" Желѣзныя рѣшетки были сломаны, стекла выбиты, рамы вынимались. Отъ опрокинутыхъ лампъ начался пожаръ. Нѣсколько офицеровъ подверглись избіенію. Офицерскія же семьи съ самаго начала „бунта" поспѣшили перебраться въ городъ, охваченный паническимъ ужасомъ. Въ городѣ заговорили о томъ, что „началась революція". Къ сожалѣнію, „бунтъ" вспыхнулъ полчаса спустя послѣ окончанія работъ въ порту, когда всѣхъ рабочихъ перевезли уже на другую сторону бухты. Не имѣя возможности попасть обратно и присоединиться всей массой къ матросамъ, рабочіе густой толпой стояли на обрывистомъ берегу бухты и съ напряженіемъ смотрѣли туда, гдѣ при надвигающейся темнотѣ врачными силуэтами высились гигантскія корпуса казармъ. Разбивъ флигеля, матросы направились къ морскому штабу. Тамъ имъ загородилъ дорогу отрядъ брестскаго полка (его казармы находятся возлѣ флотскихъ). Одинъ унтеръ-офицеръ заявилъ, что онъ стрѣлять не будетъ, такъ какъ тамъ (среди матросовъ) находятся его братъ. Унтеръ-офицера отправили обратно въ казармы. Отрядъ выстроился, раздалась команда, грянулъ залпъ... но ни одинъ матросъ не былъ даже раненъ — всѣ заряды полетѣли вверхъ надъ головами. Отрядъ отвели обратно въ казармы; въ заключеніе и солдаты выбили у себя стекла. Матросы снова повернули къ своимъ казармамъ. Офи-

---

[1]) Она высочила, когда уже всѣ бѣжали.

[2]) Повидимому о палки, бывшія у демонстрантовъ.

[1]) Поподнѣе ожидали еще человѣкъ 300 заводскихъ, но подоспѣвшая къ девяти часамъ полиція предупредила ихъ приходъ.

сказать обществу, что его требования, его желания — „безумныя мечтания". Господа, тѣмъ опредѣленіе мы выскажемся, тѣмъ тронѣе наша сила. Прошло время просить, пришло время требовать. Я предлагаю minimum того, что мы должны требовать всякій, уважающій себя русскій человѣкъ: Необходимо представительное правленіе". Здѣсь собраніе встало и страшно шумно привѣтствовало эту резолюцію (подробная редакція и мотивы поручены бюро. Въ него входятъ адвокатъ, четыре „радикала" и нѣсколько гласныхъ земцевъ). Затѣмъ произошелъ неожиданный скандалъ. Поднимается какой-то старикъ и ехиднымъ тонкимъ голосомъ говоритъ: „Господа, вотъ мы постановили, что необходимъ представительный образъ правленія. Но какъ объ этомъ сообщить всей Россіи? Вотъ здѣсь среди насъ сидятъ представители газетъ, считающій себя органомъ интеллигенціи... Это — „Русск Вѣд". Вонъ они сидятъ. Если они считаютъ себя таковыми, то пусть это докажутъ и напечатаютъ все, что здѣсь происходило". Старичекъ сѣлъ. Это оказался докторъ Жбанковъ. Поднялся невообразимый шумъ. Этотъ моментъ раскололъ русскихъ либераловъ на двѣ части: на болѣе умѣренную, оказавшуюся въ большинствѣ и ставшую за „Р. В.", и болѣе демократическую, шикавшую и свиставшую ораторамъ — заступникамъ „Р. В". Подошелъ господинъ, который рѣзко сказалъ: „здѣсь говорили о свободѣ, а между тѣмъ надъ „Р. В". хотѣли сдѣлать насиліе. Это жонглированіе словомъ свобода!"

Вскочилъ Малянтовичъ!

„Извините, вскрикнулъ онъ, всякій газетный органъ, который считаетъ себя выраженіемъ русскаго прогрессивнаго общества, который думаетъ, что онъ служитъ его интересамъ, совѣсть его болѣзнями и страдаетъ его страданіями, обязанъ напечатать это въ тотъ моментъ, когда общество достигло высшаго напряженія въ своемъ стремленіи къ свободѣ. Всѣ здѣсь понимаютъ, что такое свобода. И „Моск. Вѣд". тоже стоитъ за свободу, когда упрекаютъ либераловъ въ томъ, что они противъ нихъ. И тотъ, кто думаетъ, что мы жонглируемъ свободой — самъ жонглеръ!"

Предсѣдатель. — Я дѣлаю оратору замѣчаніе за непарламентское выраженіе.

Малянтовичъ. — Простите, я повторяю, что „Рус. Вѣд". должны напечатать. Пусть ихъ закроютъ! Пусть они лучше умрутъ, чѣмъ позорно будутъ существовать, ибо сейчасъ смерть есть жизнь!"

Ораторъ Соколовъ: — Господа, вы заставляете „Рус. Вѣд". напечатать, а Вы подпишетесь подъ своимъ требованіемъ представительнаго правленія?

Малянтовичъ. — Господа, смѣшно намъ тратить время на пустяки. Вѣдь 500 человѣкъ до утра не подпишутъ. Всѣ мы шли сюда, зная, зачѣмъ идемъ. Мы подавали свои фамиліи при входѣ. И убѣжденъ, что собраніе согласится приложить этотъ списокъ въ видѣ подписей къ резолюціи.

Собраніе единогласно соглашается. Говоритъ Ларамбергъ въ защиту „Рус. Вѣд". объ ихъ сорокалѣтнемъ служеніи, возмущаясь: „Это то и плохо, что вы 40 лѣтъ существовали. Порядочная газета столько не просуществуетъ!"

Крикъ: „Довольно говорить о такой дряни. Слишкомъ много чести!" Шумъ, крикъ, предсѣдатель усиленно звонитъ. Малянтовичъ предлагаетъ передать резолюцію въ центральное земское бюро и довести до свѣдѣнія министра, что постановленіе состоялось тогда-то и находится тамъ-то". Собраніе принимаетъ. Послѣ этого предсѣдатель Доброхотовъ отказывается дѣлать разное и трусливо убѣгаетъ. Собраніе безъ конца. Всѣ или расходятся, или начинаютъ ужинать.

Москва. Вчера здѣсь состоялась демонстрація, эфиронованная „с. р-ами", устроенная студентами.

Объявлена была демонстрація на сходкѣ въ университетѣ, а на другой день появились соотвѣтствующія письменныя приглашенія.

Возбужденіе царило очень сильное. Болѣе довѣрчивые говорили о 12.000 рабочихъ, сорганизованныхъ „с-р-ами", другіе о 2.000, иные о 800. Демонстрація обѣщалась вооруженная, готовилось множество флаговъ. Въ концѣ концовъ настроеніе создалось. Пошли и тѣ, кто не считалъ демонстрацію свое временной.

Полиція приняла свои мѣры. Были присланы казачьи подкрѣпленія изъ провинціи. Всю ночь на 5-е происходило движеніе. Въ манежъ были казаки, драгуны, жандармы, полиція, пѣхота. Сосредоточены были большія силы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" на Страстномъ бульварѣ. Мелкими отрядами полиція была помѣщена чуть ли не во всѣхъ крупныхъ дворахъ большого района. Были наняты дворники по 50 коп. „на рыло". Всѣмъ охотно сообщался планъ демонстраціи и какъ кому судить по принятымъ мѣрамъ, не быть бы живымъ ему и тому, кому это было нужно. Планъ былъ такой: собраться на Кудринской площади, у Пречистенскихъ воротъ, у кофейни Филиппова (Тверская, 2 въ Брюсовскомъ переулкѣ) и на Неглинной. По данному сигналу всѣ соединяются и громятъ кн. Сергѣя. Полиція бдитъ.

Студенты „соціалъ-демократы" и не студенты, группирующіеся вокругъ С. Л. О. В. У. З. собрались на Страстномъ бульварѣ, затѣмъ большинство ихъ присоединилось къ главной массѣ.

До 12 час. ничего не вызвало тайны предъ появленіемъ террора. Полиція была спрятана, на улицѣ обращали вниманіе только стоявшіе на Тверской и Никитской и можетъ быть и еще гдѣ-нибудь группы по 5-7 чел. какъ будто рабочихъ безъ военной выправки и сконфуженные какъ дисциплинированные. Только кофейня Филиппова была полна студентами высшихъ учебныхъ заведеній. Преобладали студенты Московскаго университета, за ними шли студенты техники и медички, терялись совѣсть. Скоро Тверская стала наполняться не тротуарами бывшими студентами-курсистками и просто публикой — интеллигенціей. Въ часъ вышли изъ кофейни почти всѣ. Тверь запружена и остановился кучка съ трудомъ добивалась, чтобы ее выпустили, кто-то ломать дверь[1]. Демонстрація назначена въ 1 ч. 30 мин. Прошло болѣе 5 минутъ, но сломать одной стѣнящей кучи удастся. Съ тротуаровъ быстро сбѣжали на улицу и образовалась толпа, исключительно изъ студентовъ и студентокъ, высш. учеб. зав. Если и были посторонніе, они затерялись. Впереди былъ рядъ курсистокъ, за ними нѣсколько рядовъ студентовъ, за ними шли кучей въ безпорядкѣ всего было человѣкъ 300-400. Тотчасъ впереди демонстраціи появились стройные ряды 8-12 вершковыхъ полицейскихъ. Къ удивленію, они быстрыми шагами почти впереди демонстрантовъ, а не за ними. Потомъ они освободили одну половину улицы. Шедшіе студенты съ крикомъ бросились въ образовавшійся проходъ. У двора Сергѣя въ два кажется ряда выстроились конные жандармы. Шеренга городовыхъ наступала, при чемъ рядъ студентовъ пятился невольно на нихъ и вдругъ выхватилъ себѣ и бросилась на находившихся противъ. Черкизовскаго переулка студентовъ. Засверкали шашки, спѣшась въ блестящій полосы, раздался крикъ. Задніе ряды въ паникѣ бросились обратно. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Видно было, какъ кучами падали люди (невольно думалось, что это трупы, при видѣ взмаховъ шашекъ — били со всего размаху, слышны были удары), кучи распались разбитые черезъ. Впечатлѣніе для публики. Бѣжавшіе безъ шапки студентки. Радова его была разсѣчена по всему черепа Ив.—2 длины, текла кровь. Нѣкоторые студенты бросались обратно къ Филиппову. Тутъ произошла свалка полиціи. Ихъ встрѣтили бѣгущіе криками „не пустимъ". Вышла драка... Приставъ или околоточный стрѣлялъ (бывшіе три выстрѣла въ толпу, но были ли жертвы, не знаю. Можетъ быть выстрѣлы были холостые. Городовые били, главнымъ образомъ, плашмя, при чемъ ихъ удары всегда соотвѣтствовали размаху, то количество тяжело-раненыхъ было бы несомнѣнно весьма велико. Но и такъ, было нанесено немало рубленныхъ ранъ (я видалъ пять). Полицеи околоточные били жестоко. Немедленно послѣ перваго избіенія, въ качествѣ провокатора, прочѣзла матушка „Иверская". Ея слегка посвистали, но тотчасъ перестали. Вѣдная матушка „Иверская", какъ ее разносторонне-подло эксплуатируютъ. Потомъ она, не возбуждая вниманія, ѣздила съ двумя жандармами по бокамъ. Городовые крестились на матушку и начинали бить, какъ и прежде да записывать номера ругающихъ ихъ извощиковъ (у которыхъ органическая рознь съ полиціей).

Организація избіенія была „артистическая", толпу разсѣкали на двое и гнали въ разныя стороны. Первая демонстрація была разсѣяна полянути послѣ нападенія. Часть разбитой толпы побѣжала на Дмитровку, часть на Тверской бульваръ. На Дмитровкѣ соединились съ шедшими со Страстного бульвара (человѣкъ 50 съ флагомъ и пѣніемъ. Дали соединиться и опять избили, при чемъ опять полицейскій чинъ не ниже околоточнаго сдѣлалъ minimum три выстрѣла. Я видѣлъ, какъ оттуда увозили штатскаго съ разсѣченнымъ лицомъ. На Тверскомъ бульварѣ дали опять соединиться человѣкамъ 100-150, причемъ появилось много штатскихъ, повидимому не шпиковъ, судя по дѣйствіямъ полиціи, — мелкихъ торговцевъ мастеровыхъ, интеллигентовъ. Собравшись, запѣли Марсельезу, ну (пропѣли три куплета) и быстро пошли по Никитской. Полиція (городовые) бросилась вслѣдъ, разсѣкала толпу и разогнала. Я видѣлъ одного съ окровавленной головой.

Къ тремъ часамъ все было тихо, только по Тверской до ночи ходила возбужденная толпа изъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и просто любопытныхъ. Въ Брюсовскомъ переулкѣ и на Неглинной перконачально никто не сосредоточился. 12.000 рабочихъ не оказалось. Это произвело удручающее впечатлѣніе на студенческую неосвѣдомленную и политически неразбуху массу, которая шла повинуясь одному чувству. Приходилось слышать возгласы: „насъ обманули"... Многіе заплобились и въ первую минуту горячо утверждали, что они придутъ завтра, но съ револьверами... Меньшинство твердо рѣшило: мы пріѣдемъ на демонстрацію, но пріѣдемъ, когда будемъ силой, а пока „работать, работать и работать".

Изъ тайнъ чернаго кабинета (точная копія).

Московскій почтъ-директоръ.

Совершенно секретно.

Милостивый Государь,
Дмитрій Федоровичъ!

Вслѣдствіе письма отъ 8 сего апрѣля за № 3251, о задержаніи и доставленіи въ Охранное Отдѣленіе корреспонденціи съ адресомъ: Москва, Большой Палашевскій переулокъ, домъ Добычина, кв. № 49, на имя дочери священника Лидіи Григорьевой Синцеровой (Синцеровой, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что о задержаніи означенной корреспонденціи въ Московскомъ Почтамтѣ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

Приложивъ имѣю честь присовокупить, что въ случаѣ полученія такой корреспонденціи въ Москвѣ, я буду имѣть честь увѣдомить Ваше Превосходительство дополнительно.

Его Превосходительству Д. Ф. Трепову

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и искренней преданности.

Всегда готовый къ Вашимъ услугамъ К. Радченко.

№ 15464
9 апрѣля 1904 г.

Адресъ московскихъ студентовъ и курсистокъ профессору В. И. Герье.

Владиміръ Ивановичъ!

Рѣчь, которую Вы держали въ только что закончившемся, знаменитомъ сходкѣ собраніи Московской Городской Думы, заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ.

30 ноября, во время засѣданія московской городской думы, впервые за все время своего существованія мотивировавшей постановленіе общегражданскаго характера, указывающимъ на настроеніе нашей родины и призывающимъ къ объединенной работѣ чѣхъ, въ комъ не заложено еще чувство гражданина, Вы одинъ изъ всѣхъ гласныхъ вмѣстѣ съ купцомъ Найденовымъ говорили отказаться отъ Вашей подписи.

Вы претендовавшій ранѣе на званіе гражданина, не считетесь теперь отщепенцемъ всего русскаго мыслящаго общества, Вы — единомышленникъ гг. Гринмута и Мещерскаго, но Вы, какъ поборникъ русской науки и нашего университета, продолжаете быть нашимъ профессоромъ.

Ваше прошлое, Ваши подпись подъ знаменитымъ „возваніемъ" гг. профессоровъ къ студентамъ съ упрекомъ въ томъ, что они „бунтуютъ" забывая свой долгъ передъ обществомъ и народомъ и „даромъ ѣдятъ народный хлѣбъ". Ваше посѣщеніе подъ охраной жандармовъ манежа и тюремъ для цѣлей полицейскаго свойства. Ваше открытое присутствіе на жандармскихъ допросахъ о курсисткахъ въ Бутырской тюрьмѣ, — заставили имѣть не разъ поводъ выражать свое негодованіе. Теперь же Ваша демонстративный отказъ въ подписи подъ тѣмъ, подъ чѣмъ подписывается вся мыслящая Россія, слишкомъ опредѣленно обрисовываетъ Васъ, чтобы оставалось хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, съ кѣмъ мы имѣли и имѣемъ дѣло, и дастъ намъ право еще разъ выразить наше презрѣніе, не скрывать его отъ лицомъ всего общества, а потому предать все это гласности.

3 декабря былъ прочитанъ Герье въ университетѣ. Онъ „по болѣзни" отказался читать лекціи и ушелъ подъ свистъ студентовъ изъ аудиторіи. 4 декабря, однако, онъ читалъ уже на женскихъ курсахъ, тамъ ему тоже должно быть было устроено освистаніе здѣсь.

Кременчугъ. 3 декабря за городомъ состоялось массовое собраніе, которое окончилось возмутительнымъ избіеніемъ.

Въ восемь часовъ вечера въ открытой степи собралось человѣкъ до 200. Явились ораторы, и были произнесены имъ рѣчи по поводу потопленія „Петръ по дальнемъ Востокѣ, какъ вдругъ нагрянула въ большомъ количествѣ полиція. Многіе изъ присутствовавшихъ были въ первый разъ на собраніи. При послѣднихъ залпахъ полиціи, они бросились бѣжать, несмотря на призывы оставшихся остаться и дать отпоръ. Оставшихся 40 человѣкъ были арестованы и отведены въ полицію, гдѣ ихъ по очереди пропускали сквозь строй городовыхъ, вооруженныхъ нагайками. „Представьте себѣ видѣть рабочій организованный двойной рядъ. Выталкиваютъ парня и вталкиваютъ его между рядами и онъ какъ будто бѣжитъ, а тѣмъ временемъ каждый изъ стоящихъ городовыхъ ударитъ его. Это была какая то вакханалія, и я еще нѣсколько человѣкъ стояли около четверти часа, и каждый ударъ нагайки каждой стоящей городовой сквозь строй отзывался болью, вызывалъ чувство злобы и отчаянія".

Въ другомъ письмѣ, разсказывающемъ, что всѣ студенты совѣдаютъ съ четвертными ученическими разбѣжались по своимъ квартирамъ, не будучи въ состояніи выносить страшныхъ криковъ, несшихся со двора.

Невольно приходитъ въ голову сравненіе. Вѣдь, третьяго декабря, весна была еще въ разгарѣ и, вѣроятно, въ то самое время — часу въ десятомъ — когда полиція подводила къ участку свои жертвы, въ разныхъ городахъ интеллигентные люди сходились на банкеты, чтобы послушать хорошихъ рѣчей и постановить радикальныя резолюціи. Замѣтьте при этомъ, что вѣдь „массовки" вовсе не демонстраціи. Если по обстановкѣ (холодная декабрьская ночь въ открытой степи), они прямо противоположны банкетамъ, то по цѣли аналогичны. На раннихъ пустыряхъ, яхтахъ и оврагахъ рабочіе собираются именно затѣмъ, чтобы слушать свободныя рѣчи, причемъ, если полиція просвѣщаетъ, собранія часто заканчиваются резолюціями, но, по меньшей мѣрѣ, такъ же часто и нагайками. А рабочіе все таки собираются.

Въ № 80 „Искры" въ одной изъ корреспонденцій, рисующихъ настроеніе нашей разночинной интеллигенціи, говорится, что многихъ въ ея средѣ банкеты уже не удовлетворяютъ, говорить промежъ себя уже не хочется, „все сказано". „Дальше нужно дѣло, а дѣло то пока не налаживается". Почему бы такой интеллигенціи, если она, дѣйствительно, жаждетъ „дѣла", не подѣлиться остатками дарованной ей „весны" съ рабочими, которымъ она не дарована. Ей слѣдуетъ устраивать уже ненужные ей банкеты и отдавать ихъ рабочимъ, подъ ихъ массовки, которыя они покупаютъ теперь такой дорогой цѣной.

Къ банкету въ Ростовѣ н/Д. Въ дополненіе къ корреспонденціи, помѣщенной въ № 80 „Искры", можно сообщить слѣдующія подробности: когда, послѣ рѣчи присяжнаго повѣреннаго Банкира Берберова, попросилъ слова представитель рабочихъ, предсѣдатель отказалъ ему въ виду того, что онъ не входитъ въ списокъ ораторовъ: „если вы хотите говорить о рабочихъ, объ ихъ требованіяхъ, отчего вы сами не собираетесь дома (?), а пришли мѣшать ! нашему праздднику". Въ публикѣ раздались крики: „мы требуемъ, чтобъ онъ говорилъ", но буржуазная часть публики поддержала предсѣдателя. Кончилось тѣмъ, что оратору предложили говорить по окончаніи оффиціальнаго списка ораторовъ. Адвокатъ Севастьяновъ, антисемитъ и организаторъ февральской патріотической демонстраціи, хотя и говорилъ „либерально", былъ прерываемъ шиканьемъ и свистомъ. О политической свободѣ говорилъ, главнымъ образомъ, товарищъ директора Азовско-Донского коммерческаго банка Коганъ (онъ же прочелъ резолюцію). Присяжный повѣренный Уткинъ говорилъ объ амнистіи по политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Резолюція либераловъ была прочтена до того, какъ было дано слово представителю рабочихъ, не смотря на то что часть публики требовала, чтобы онъ говорилъ до чтенія резолюціи. Послѣ него говорилъ еще между прочимъ, сотрудникъ мѣстной газеты заявившій: „либеральный трезвонъ раздавался у насъ не разъ, но правительству всегда удавалось раздавить кучу либераловъ. Мы можемъ добиться результатовъ только, когда всѣ либералы *присоединятся къ борющемуся пролетаріату*".

Харьковъ. На 5-е декабря предполагался банкетъ по случаю сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, къ которому долженъ былъ принимать участіе весь цвѣтъ мѣстной адвокатуры, медики и т. д. Студентовъ рѣшили *не пускать ни подъ какимъ видомъ*, мотивируя это тѣмъ, что очень мало мѣста. Конечно, дѣло не въ мѣстахъ, а въ страхѣ передъ возможностью повторенія исторіи въ Юридическомъ Обществѣ. Кстати: туда уже также не пускаютъ можно попасть только по билету, по рекомендаціи члена.) За полчаса до начала банкета, вице-губернаторъ Азанческій прислалъ приказъ, въ которомъ говорилось, что по причинамъ, которыхъ не можетъ объяснить, запрещаетъ собраться и проситъ дать свои подписи. Всѣ 182 члена подписались, но благополучно собрались и говорили рѣчи на разныя темы, вплоть до 4-хъ часовъ утра.

Сегодня по городу дефилируютъ конные патрули и масса пѣшихъ казаковъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Въ ноябрѣ всплыхнуло среди матросовъ возмущеніе. Недовольство среди нихъ давно уже достигло значительной степени. Казарменный режимъ становился все строже, ихъ оговаривали на пищѣ, заваливали службой и работой въ порту причемъ подъ конецъ лишили полагавшейся за эту работу платы; на войну отправляли безъ предупрежденій, не давая даже проститься съ родными и устроить свои дѣла. Все это вызывало среди матросовъ глухое броженіе, не разъ прорывавшееся отдѣльными вспышками въ томъ или иномъ видѣ. Напримѣръ: спасенные не приняли разъ обѣда; когда же двоихъ ихъ арестовали, остальные заставили освободить ихъ. Одинъ матросъ при отправкѣ на Дальній Востокъ громогласно обругалъ офицера, только что покинувшаго его жену. По другой разъ, уѣзжавшіе на Дальній Востокъ матросы какъ только поѣзда стали отходить отъ вокзала, отвѣтили на привѣтствія провожавшаго ихъ адмирала тѣмъ, что забросали его всевозможными предметами, попавшимися въ эту минуту подъ руку. Послѣдняя волненія, причинившія громадныя разборы, были вызваны новымъ распоряженіемъ администраціи градоначальства, переполнившимъ чашу терпѣнія матросовъ. Администрація рѣшила снести печуги, расположенныя вдоль фасотинихъ казармъ. Въ этихъ печугахъ отдыхаетъ вольная бѣднота; между прочимъ, здѣсь же помѣщались и семьи матросовъ. Зная настроеніе матросовъ и опасаясь, чтобы они не вступились за обижаемыхъ, градоначальникъ попросилъ адмирала Синявина, поручить главному командиру Чухнину не выпускать въ этотъ день матросовъ изъ казармъ. Чухнинъ далъ свое согласіе, прибавивъ, что онъ вообще считаетъ вредными матросовъ безъ офицерскихъ руководителей. Прикази этотъ сталъ извѣстенъ матросамъ и сразу вызвалъ у нихъ возбужденіе. Часовъ въ шесть вечера, когда въ казармы возвращаются всѣ находящіеся въ „нарядахъ", и когда матросы привыкли послѣ службы уходить въ городъ, на дворѣ казармъ высыпало, точно изъ мѣшка, свыше тысячи (?) человѣкъ, непотребовавшихъ, чтобы имъ немедленно открыли ворота. Дежурный офицеръ отвѣтилъ отказомъ. Въ мигъ ворота были вынесены изъ массивныхъ каменныхъ устоевъ и разнесены въ дребезги. Матросы перебили стекла въ казармахъ, направились къ офицерскимъ флигелямъ, расположеннымъ тутъ же недалеко отъ казармъ. Двинулись они туда съ криками: „ура" „долой Чухнина", „долой войну". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздались крики: „долой самодержаніе!" Желѣзныя рѣшетки были сломаны, стекла выбиты, рамы выломаны. Отъ сорокинутыхъ лампъ начался пожаръ. Нѣсколько офицеровъ подверглись избіенію. Офицерскія же семьи съ самаго начала „бунта" поспѣшили перебраться въ городъ, охваченныя паническимъ ужасомъ. Въ городѣ заговорили о томъ, что „начался революція". Къ сожалѣнію, „бунтъ" вспыхнулъ почасу спустя послѣ окончанія работъ по порту, когда всѣхъ рабочихъ перевезли уже на другую сторону бухты. Не имѣя возможности попасть обратно и присоединиться всей массой къ матросамъ, рабочіе густой толпой стояли на обрывистомъ берегу бухты и съ напряженнымъ смотрѣли туда, гдѣ при изумительной темнотѣ яркими снопами высвѣчивали гигантскіе корпуса казармъ. Разбивъ фонари, матросы направились къ морскому штабу. Тамъ имъ загородилъ дорогу отрядъ брестскаго полка его казармы находятся вблизи флотскихъ). Одинъ унтеръ-офицеръ заявилъ, что онъ стрѣлять не будетъ, такъ какъ тамъ среди матросовъ находятся его братъ. Унтеръ-офицера отправили обратно въ казармы. Отрядъ выстроился, раздалась команда, грянулъ залпъ... но ни одинъ матросъ не былъ даже раненъ — всѣ пули полетѣли вверхъ надъ головами. Отрядъ отвели обратно въ казармы; въ заключеніе и солдаты выбили у себя стекла. Матросы снова повернули къ своимъ казармамъ. Офи-

---

[1] Она выскочила, когда уже всѣ бѣжали.

[2] Повидимому о палкахъ, бывшихъ у демонстрантовъ.

[3] Попозднѣе ожидали еще человѣкъ 300 заводскихъ но подосѣдшая къ девяти часамъ полиція преградила ихъ приходъ.

меры наскоро раздали боевые патроны учебной команды и вообще наиболее забитым матросам, остававшимся до сих поръ въ сторонѣ отъ волненій. По командѣ раздавались залпы, но всѣ выстрѣлы летѣли вверхъ. Искоръ, впрочемъ, и учебная команда перестала повиноваться и присоединилась къ остальнымъ матросамъ. Послѣ всѣхъ залповъ убитыми оказались только одинъ матросъ, котораго уложила пущенная изъ револьвера пуля офицера, и одинъ полковникъ, получившій ударъ камнемъ по головѣ. Между тѣмъ, изъ лагерей въ казармы наскоро перевели бѣлостокскій полкъ; солдатамъ роздали боевые патроны, и каждый ротный командиръ обратился къ своей ротѣ съ рѣчью, напоминая ей о „долгѣ присяги". Но рѣчи не производили на этотъ разъ должнаго впечатлѣнія. Почти не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ и фельдфебелей, солдаты грозно переговаривались другъ съ другомъ. — Будешь стрѣлять? — А ты будешь? — А воздухъ на что? — Тамъ наши земляки! — За что я буду въ нихъ стрѣлять? Они намъ добра желаютъ! — Въ воздухъ надо стрѣлять, либо въ офицеровъ! Вспоминались всѣ обиды, плохая пища и пр. Офицера, видя такое настроеніе въ полку, трусили. Вотъ рѣчь одного ротнаго. (Храбрись) „Братцы! Помните долгъ присяги. Флотскіе эти — подлецы, негодяи. Прикажу стрѣлять — стрѣляйте сейчасъ же. А кто не будетъ стрѣлять, тому голову шашкой снесу". (Струсилъ, послѣ минуты волненія). — А если я кого на штыки подымутъ, такъ мнѣ все равно". Полкъ цѣлую ночь продержали при оружіи, но вывести его не рѣшились.

Побѣда осталась за матросами. На другой день ихъ пускали уже куда угодно, безъ всякихъ билетовъ. Раньше же пускали только „по служебнымъ обязанностямъ" и только по билетамъ. Конечно, начальство не замедлило принять свои мѣры. Часть матросовъ, наиболѣе активная, была переведена на судна. Возбужденное настроеніе продолжало проявляться и здѣсь. На днищѣ минноносца отказались грузить уголь; матросы встрѣтили и проводили командира свистомъ. Въ заключеніе всѣхъ событій послѣдовали аресты. Арестовано свыше 100 матросовъ. Кромѣ нихъ, было арестовано около 25 портовыхъ рабочихъ, такъ какъ въ порту была сдѣлана попытка забастовать и присоединиться къ матросамъ. На улицѣ арестовано два неизвѣстныхъ интеллигента. Наканунѣ „бунта" мѣстная организація, „Крымскій союзъ", распространила листокъ „Къ солдатамъ" въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ первый разъ удалось распространить воззванія въ самой казармѣ. Въ то же время этотъ же листокъ и значительное число брошюръ были распространены на цѣломъ рядѣ судовъ. На утро послѣ „бунта" „Крымскій союзъ" распространилъ на Корабельной (гдѣ флотскія казармы) листокъ „Пора" въ количествѣ 700 экз. Затѣмъ были выпущены къ портовымъ рабочимъ два листка съ призывомъ забастовать и присоединиться къ матросамъ.

Черезъ нѣсколько дней Чухнинъ, котораго матросы пена видять всѣ до единаго, явился, наконецъ, въ казармы на смотръ и произнесъ рѣчь. Онъ говорилъ о томъ, какъ произошло государство и какъ его трудно перестраивать; говорилъ, что къ „бунтамъ" подстрекаютъ „враги-инородцы" и что зачинщиковъ надо выдавать. Недавно въ порту во флотѣ и арміи *три дня подрядъ* распространяли брошюры Богдановича. Начальство вообще серьезно встревожено, несмотря на стихійный характеръ „бунта". Теперь Чухнинъ уже смѣшенъ. Казармы брестскаго полка находятся рядомъ съ флотскими. Солдаты и матросы — прежде враги — посѣщаютъ теперь другъ друга, уславливаются о чемъ то шушукаются. Чухнинъ телеграфировалъ царю, что „бунтъ носитъ явно политическій характеръ". Возбужденіе какъ среди матросовъ, такъ и среди солдатъ продолжается (въ газетахъ сообщено о преданіи военно-морскому суду 35 матросовъ. *Ред.*).

О причинахъ матросскаго возмущенія намъ сообщаетъ слѣдующія подробности одинъ товарищъ-матросъ:

По распоряженію Главнаго Морского Штаба, еще въ мартѣ мѣсяцѣ болѣе тысячи матросовъ были назначены для отправленія на дальній востокъ и тогда же росписаны по экипажамъ крейсеровъ №№ 1, 2, 3. Они содержались вмѣстѣ съ другими матросами въ огромныхъ казармахъ одной изъ флотскихъ дивизій, гдѣ помѣщалось болѣе 15000 человѣкъ, среди которыхъ подавляющее большинство — призванные изъ запаса. Въ условіяхъ гражданской жизни они успѣли забыть былую военную муштровку, и суровый казарменный режимъ, настойчиво проводимый адмираломъ Чухнинымъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, страшно озлобилъ ихъ, все болѣе обострая то смутное, но глубокое недовольство, съ которымъ они шли на призывъ при мобилизаціи. Вначалѣ неясно сознанное негодованіе противъ преступнаго царскаго правительства зрѣло все болѣе; это правительство затѣяло ненужную войну, сгорало ихъ отъ мирной жизни, предало ужасамъ нищеты ихъ осиротѣлыя семьи и самихъ ихъ готовилось послать на бойню. Разговоры съ молодыми матросами, среди которыхъ уже давно ведется соціалъ-демократическая пропаганда, содѣйствовали тому, что смутное недовольство превращалось въ сознательную ненависть къ самодержавному порядку. Неглупые приказы адмирала Чухнина, оскорбительные для личнаго достоинства солдата, подливали масла въ огонь. Въ цѣляхъ усиленія дисциплины, адмиралъ, подъ угрозой наказанія, рѣшительно запретилъ матросамъ показываться на главныхъ улицахъ города — Нахимовской, Морской и Екатерининской; на другихъ улицахъ было запрещено появляться въ обществѣ женщинъ, кто бы онѣ ни были, матери, жены или знакомыя; особые патрули подъ командой прапорщиковъ флота наблюдали за исполненіемъ этого; женатымъ матросамъ не разрѣшались отлучки на квартиры. Особенно возмущало матросовъ объявленіе, вывѣшенное на Приморскомъ бульварѣ; въ немъ, на ряду съ обычными „травы не мять, собакъ не водить" значилось: „нижнимъ чинамъ не входить" („собакамъ и солдатамъ входъ воспрещается", говорили въ казармахъ).

Варшава. Мобилизація въ Варшавскомъ округѣ вызвала стачечный протестъ со стороны всего населенія. Въ крупныхъ городахъ почти ежедневно происходятъ столкновенія между полиціей и толпой, или между кадровыми и запасными, призванными на службу. Особенно сильны волненія въ Варшавѣ. Мѣстные комитеты всѣхъ партій выпускаютъ громадное количество листковъ, призывая рабочихъ всѣхъ гражданъ къ открытому протесту противъ мобилизаціи, противъ войны, противъ самодержавія. И послѣднему приходится круто. Съ демонстрирующими рабочими оно очень легко справлялось при содѣйствіи войскъ, и такъ какъ до настоящаго времени рабочіе еще не могли дать войскамъ дружный вооруженный отпоръ, то самодержавіе выходило всегда побѣдителемъ. Но теперь картина рѣзко измѣнилась. Призывая запасныхъ, правительство принуждено было снабдить ихъ оружіемъ, и вотъ во многихъ мѣстахъ запасные вооруженные самимъ же правительствомъ, обрушились на него же. Присѣвшимъ самодержавію легко было направить солдатъ противъ рабочихъ, но когда это нужно было сдѣлать противъ запасныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ тѣ же мундиры, вооруженныхъ той же винтовкой, то мѣстные палачи своемъ перетрусили и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ смогли заставить надворныхъ стрѣлять въ запасныхъ. Можно себѣ представить истерзаніе солдатъ, когда ему приказываютъ стрѣлять въ своего же товарища по полку и даже ротѣ, съ которымъ ему приходится и спать подъ одной крышей, и ѣсть изъ одного котелка. Въ Ченстоховѣ и Кутно запасные отказались итти на кровавую бойню, какъ теперь всѣ называютъ войну съ Японіей, и имъ пришлось силою тащить въ вагоны; но и водворенные въ вагоны, они продолжали кричать „долой самодержавіе" и пѣли революціонныя пѣсни. Бѣгство заграницу массовое. Есть уѣзды, откуда $^3/_4$ не явилось къ воинскимъ начальникамъ. 29-го октября партія запасныхъ, въ 1000 человѣкъ, предназначенная на укомплектованіе мобилизированныхъ частей, отказалась сѣсть въ сколько вагоны и только послѣ долгихъ, трехъчасовыхъ увѣщаній и обѣщаній пересадить ихъ въ пассажирскіе вагоны, только послѣ ареста 80 человѣкъ, наиболѣе протестующихъ—они устуцили. По поводу мобилизаціи выпущены были листки военно-революціонной группой, гдѣ запасные призываютъ къ открытому протесту противъ войны и отказу итти на бойню, примыкались въ ряды Р. С-Д Р. П. для совмѣстной борьбы противъ существующаго соціальнаго и политическаго строя.

Офицеръ.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Царскій манифестъ и положеніе нашихъ нефабричныхъ рабочихъ. — 20 лѣтъ обязательнаго страхованія на случай болѣзни въ Германіи.

Царскій манифестъ обѣщаетъ рабочимъ государственное страхованіе. Даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. предполагая, что даваемое теперь обѣщаніе, дѣйствительно, будетъ сдержано, можно быть увѣреннымъ, что изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ выйдетъ никуда негодный проектъ, который лишній разъ только подтвердитъ, что фабричное законодательство можетъ быть хорошимъ демагогическимъ средствомъ въ рукахъ Зубатовыхъ, но не можетъ явиться дѣйствительнымъ факторомъ въ улучшеніи положенія рабочихъ, безъ активнаго участія заинтересованнаго класса въ этомъ самомъ законодательствѣ и въ вышедшихъ изъ него учрежденіяхъ. Если предыдущее рабочее законодательство оказывалось хотя сколько нибудь полезнымъ рабочему классу, то лишь постольку, поскольку на стражѣ каждаго закона стояла сознательная воля пролетаріевъ отстоять завоеванное тяжелой борьбой право. А многочисленные слои пролетаріевъ, но сихъ поръ мало или вовсе не принимавшихъ участія въ этой борьбѣ, такъ и лишены были даже этихъ жалкихъ благъ законодательства и попрежнему остаются жертвами самой безчеловѣчной и ничѣмъ не ограниченной эксплуатаціи. Трудно сказать, сужденъ ли еще будетъ самодержавію, для котораго несомнѣнно сочтены, — сужденъ ли ему еще будетъ просвѣтъ въ жизнь обѣщанный законъ, но соціальдемократія тотъ или иной исходъ дастъ въ руки новое агитаціонное средство и возможность втянуть въ экономическую и политическую борьбу эти обширные слои пролетаріевъ, которымъ мѣсто только въ нашихъ рядахъ.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ наши сельско-хозяйственные рабочіе, о которыхъ мы, однако, распространяться не будемъ, оставляя бесѣду о нихъ до другого раза. Но и среди городскихъ рабочихъ имѣются многочисленныя категоріи, живущія подъ совершенно особымъ режимомъ, или, если хотите, общимъ режимомъ россійскаго беззаконія, которое, однако, тѣмъ тяжелѣе ложится на данную группу, чѣмъ ниже то мѣсто, которое она занимаетъ на соціальной лѣстницѣ. Недавно газеты приводили свѣдѣнія о жизни портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, 70% которыхъ живетъ въ ночлежныхъ домахъ. Рабочіе нанимаются черезъ подрядчиковъ, въ рукахъ которыхъ остается около $^1/_3$ заработка. Условія найма не регулированы, о жилищахъ не заботятся, ни больницъ, ни школъ, никакого вознагражденія въ случаѣ несчастій. Въ такомъ же положеніи находятся и портовые рабочіе и матросы въ прикаспійскихъ портахъ, и безправіе этихъ паріевъ лучше всего характеризуется той 1261 ст. Улож. о наказ., которую бакинское портовое управленіе въ 1903 году помѣстило въ разсчетныхъ книжкахъ для судовыхъ рабочихъ. Статья эта гласитъ: „корабельные служители или водоходцы, которые во время пути окажутъ корабельщику явное неповиновеніе въ исполненіи ихъ обязанностей, подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ, или тѣлесному наказанію хлыстомъ до пяти ударовъ по усмотрѣнію самаго корабельщика, или же, въ случаяхъ важныхъ, и аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ".

Не менѣе ужасно положеніе строительныхъ рабочихъ — каменщиковъ, маляровъ, земленоповъ и т. д., — находящихъ работу только въ лѣтнее время. И для нихъ нигдѣ никакой защиты: какъ общее правило, за дни болѣзни или за дождевые дни здѣсь платы не выдаютъ; очень часто за прогульные дни взываются штрафы, въ 2—$2^1/_2$ раза превышающіе заработную плату; рабочій день продолжается 13-15 часовъ; отвѣтственности за несчастные случаи, столь частые при этихъ работахъ, не существуетъ. — Не казится и жизнь приказчиковъ, этихъ рабовъ прилавка, какъ назвала ихъ недавно одна нѣмецкая газета. Но, заговоривъ о приказчикахъ, мы чувствуемъ, что многіе изъ нихъ обидятся за то, что мы причисляемъ ихъ къ пролетаріямъ, такъ какъ они живутъ еще предразсудками прошлаго, когда каждый приказчикъ могъ еще мечтать стать самому хозяиномъ лавки въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но эти времена прошли. Устройство самостоятельнаго, могущаго выдержать конкурренцію торговаго дѣла требуетъ нынѣ весьма большихъ капиталовъ, а ростъ капитализма съ его постояннымъ разворешеніемъ мелкихъ собственниковъ и мелкихъ ремесленниковъ ведетъ къ увеличенію предложенія труда между прочимъ, и въ торговлѣ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ пониженію заработка и усиленію эксплуатаціи наемниковъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя цифры: Въ *Одессѣ* огромное большинство магазиновъ открываетъ въ 6-7 часовъ утра и закрываетъ въ 10-11, а иногда и въ 12 часовъ ночи; рѣдко гдѣ есть праздничный отдыхъ; времени на обѣдъ не дается и приходится ѣсть урывками тутъ же въ магазинѣ за прилавкомъ; отсюда катарры желудка и другія болѣзни, ранняя старость и очень большая смертность. Въ *Ялтѣ* приказчики тоже работаютъ по 12—17 часовъ безъ перерыва на обѣдъ. Въ *Костромѣ* приказчики работаютъ безпрерывно 14-16 час., ѣдятъ и пьютъ урывками въ лавкѣ; пища часто совершенно застываетъ и, случается, даже замерзаетъ; вознагражденіе 16—35 рублей въ мѣсяцъ, но прослужившіе лѣтъ 10-15 могутъ получать и больше, до 60 рублей. Въ *Смоленскѣ* рабочій день приказчиковъ 13, 15, 16 и болѣе часовъ. Отъ 15 до 17 час., не исключая праздниковъ, работаютъ также приказчики въ *Ставрополѣ* и въ городахъ *Ставропольской губерніи*. Въ *Москвѣ* рабочій день колеблется между 9 и 16 часами, но первая цифра встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ; жалованье 720-900 рублей въ годъ. И такъ вездѣ по всему лицу земли русской. Сильно страдаютъ приказчики отъ безработицы: потерявшій мѣсто приказчикъ рѣдко находитъ новое черезъ 2 мѣсяца, чаще же всего ждетъ полгода, 1 годъ, 2, $2^1/_2$ и 3 года. Словомъ, выигрышно приказчики ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ отъ пролетаріевъ не отличаются и могутъ искать выхода изъ своего положенія только въ совмѣстной борьбѣ со всѣмъ рабочимъ классомъ.

Отъ приказчиковъ перейдемъ ко желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Желѣзнодорожныя предпріятія являются высшей формой крупнокапиталистическаго хозяйства со всѣми сопровождающими его явленіями, слѣдовательно, и съ рѣзко выраженной противоположностью классовыхъ интересовъ. Несмотря на это, только рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ принимаютъ сейчасъ активное участіе, какъ въ стачечной, такъ и въ политической борьбѣ россійскаго пролетаріата. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ другіе рабочіе и служащіе слишкомъ разрознены по роду своихъ занятій, а также тѣмъ кастовымъ духомъ, которое всоситываетъ и поддерживаетъ въ нихъ начальство, разбивая ихъ на отдѣльныя категоріи по чинамъ, рангамъ, жалованью и т. п. Какъ среди приказчиковъ, здѣсь живутъ спеціальныя предразсудки, которые только облегчаютъ начальству его варварскую эксплуатацію этихъ самыхъ якобы непролетаріевъ. И въ то время, какъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ добились 10-ти часового рабочаго дня, для прочихъ служащихъ остается крайнимъ предѣломъ 16-ти и 24-хъ часовый рабочій день.

* * *

Страхованіе, которое русское правительство теперь обѣщаетъ, уже много лѣтъ существуетъ въ Германіи, но если рабочій классъ этой страны сумѣлъ сдѣлать изъ этихъ законовъ могучее орудіе въ своей борьбѣ противъ принижающихъ тенденцій капитализма, то объясняется это высокой степенью сознательности и организованности, а отнюдь не расположеніемъ правительства, которое, напротивъ, стремилось парализовать этотъ законъ, какъ только имѣло, что его разсчетъ отзовется рабочихъ отъ соціалъ-демократіи своими ошибочными. До 1883 года въ Германіи существовалъ лишь законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, — законъ, очень похожій на дѣйствовавшій у насъ до прошлаго года и требовавшій, чтобы рабочій на судѣ доказалъ виновность предпринимателя или его агентовъ. Забота же о больныхъ, старикахъ и инвалидахъ, неспособныхъ къ труду, лежала на общинахъ или была предоставлена частной благотворительности. Само собою разумѣется, что даже при крайне ничтожной помощи, бюджеты городскихъ общинъ были сильно отягчены и особенно страдали въ эпохи промышленныхъ кризисовъ. Вопль общинныхъ совѣтовъ по этому поводу не прекращался во все продолженіе семидесятыхъ годовъ. И это была *экономическая* причина новаго соціально-политическаго законодательства. Но еще болѣе правительство руководилось политическими соображеніями, т. е. борьбой съ соціалъ-демократіей. Императорское посланіе отъ 17 ноября 1881 года заявило, что необходимо двигаться „не только по пути позавленія соціалъ-демократическихъ стремленій, но и по пути положительнаго спосотвествованія благу рабочихъ". Только также, во введеніи къ внесенному 3 марта 1681 года законопроекту о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, мы читаемъ: „При обсужденіи закона 21 октября 1881 года объ общеопасныхъ стремленіяхъ соціалъ-демократіи, было указано на необходимость бороться противъ печальныхъ явленій, вызвавшихъ этотъ законъ, — бороться и путемъ положительныхъ мѣропріятій, цѣлью которыхъ должно быть улучшеніе положенія рабочихъ. Не только человѣколюбіе и христіанское ученіе, которыми должны быть проникнуты государственныя учрежденія, обязываетъ государство заботиться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде, о своихъ нуждающихся въ помощи членахъ, но это входитъ также въ задачи разумной консервативной политики, цѣлью которой должно быть воспитаніе въ нимущихъ классахъ, которые въ то же время являются наиболѣе многочисленными и наименѣе освѣдомленными, загляда, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе. Съ этой цѣлью необходимо предоставить имъ черезъ законодательство рядъ очевидныхъ, прямыхъ выгодъ и такимъ образомъ убѣдить ихъ, чтобы они видѣли въ государствѣ учрежденіе, не изобрѣтенное только для защиты лучше обставленныхъ классовъ, но служащее и ихъ потребностямъ и интересамъ". Несмотря на это краснорѣчіе, названному проекту не суждено было стать закономъ, такъ какъ буржуазное большинство парламента находило, что онъ слишкомъ много даетъ рабочимъ, и вотировало противъ него. Въ слѣдующемъ году правительство внесло, поэтому, новый „исправленный" проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и одновременно другой „проектъ закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни". Первый проектъ и на этотъ разъ былъ отвергнутъ, а второй сталъ закономъ и введенъ въ дѣйствіе 1 декабря 1884 года. Такъ какъ въ то время еще надѣялись, что рабочіе пойдутъ на закинутую правительствомъ удочку и отвернутся отъ соц.-демократіи, то имъ была предоставлена извѣстная доля самоуправленія въ больничныхъ кассахъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ соціалъ-политическихъ законахъ самоуправленіе совершенно отсутствуетъ. Но и на этотъ разъ были приняты мѣры къ тому, чтобы въ опредѣленный моментъ близлежащее око начальства могло вмѣшаться. Въ большихъ городахъ, поэтому,— тамъ, гдѣ неутомимой долгой работой крѣпко сплоченными, привыкшими къ дружной работѣ и знакомому со всѣми полицейскими ухищреніями, пролетаріату удалось преодолѣть массу мелкихъ и крупныхъ препятствій, больничныя кассы стали образцовыми учрежденіями, дѣйствительно выполняющими тѣ требованія, которыя вправѣ предъявлять къ нимъ рабочій классъ. Но все это сдѣлано не благодаря закону, а вопреки ему. Рабочій, продающій свою рабочую силу, тѣсно связанную съ его личностью, имѣетъ право требовать, чтобы предприниматель принялъ всѣ мѣры къ сохраненію этой личности. Точно также рабочій вправѣ требовать, чтобы часть высчитываемой изъ его прибавочной стоимости была употреблена на содержаніе его во время болѣзни и на его лѣченіе. Что же сдѣлалъ германскій законъ? Онъ возложилъ на рабочаго $^2/_3$ взноса въ кассу, а на хозяина — только $^1/_3$. Онъ въ высшей степени затруднилъ дѣятельность больничныхъ кассъ, раздробивъ ихъ на множество мелкихъ съ разными названіями фабричныхъ, цеховыхъ, профессіональныхъ и т. д., причемъ правительство весьма часто, по непонятнымъ для непосвященнаго въ тайны полицейской политики причинамъ, ставило цѣлый рядъ препятствій попыткамъ сліянія мѣлкихъ кассъ. Несмотря на самоуправленіе, кассамъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать въ свободномъ выборѣ врачей, и очень часто тамъ, гдѣ врачи ставили кассамъ тяжелыя, невыполнимыя условія, они находили правительство на своей сторонѣ. Существованіе аптечной монополіи отнимаетъ у кассъ возможность сколько нибудь заботиться объ удешевленіи лекарствъ. Собираемый кассами богатый статистическій матеріалъ съ указаніемъ причинъ заболѣваній далъ бы имъ возможность принять тѣ или иныя мѣры къ устраненію этихъ причинъ, но тутъ они встрѣчаютъ неисчислимыя препятствія и въ законѣ, и въ предпринимателяхъ. Смѣшанный характеръ кассъ (состоятъ изъ рабочихъ и предпринимателей) не даетъ имъ возможности использовать агитаціонно имѣющіяся у нихъ матеріалъ о санитарномъ состояніи фабрикъ, о заболѣваемости и смертности въ различныхъ производствахъ и т. п. Есть еще другіе недочеты, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что онъ въ очень малой степени могутъ удовлетворить германскихъ рабочихъ. Поскольку они оставлялъ просторъ ихъ самодѣятельности, они сдѣлали изъ него все возможное и даже больше возможнаго.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Новая газета.

Мы получили объявленіе объ изданіи новой соціальдемократической газеты „Впередъ". Какъ явствуетъ изъ него, газета издается „литераторами, группировавшимися ранѣе около В. Бончъ-Бруевича и Н. Ленина" и намѣрена проводить въ жизнь принципы, руководящіе дѣятельностью названныхъ писателей.

Такимъ образомъ, направленіе, извѣстное въ партійномъ жаргонѣ подъ именемъ „твердаго", получаетъ возможность свободно высказаться по всѣмъ вопросамъ партійной политики. Этому нельзя не радоваться, потому что та узкая сфера организаціонныхъ вопросовъ, которою до сихъ поръ почти исключительно занимались литераторы, „группирующіеся около Бончъ-Бруевича и Ленина", не давала возможности широкой массѣ товарищей выяснить себѣ политическій характеръ даннаго направленія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Александру. Дайте черезъ Дикаго Вашъ адресъ. **S.** не пойдетъ.

Въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ первый выпускъ „Справочнаго словаря по теоріи, исторіи и практикѣ соціализма" подъ редакціей Плеханова, изданіе Лейтайзена. Въ составленіи словаря принимаютъ участіе: Плехановъ, Кольцовъ, Невзоровъ, Ортодоксъ Старовѣръ, Мартовъ, Ленинъ, Засуличъ, Аксельродъ, Бакаловъ, Потшеѣнъ, Ингерманъ, Дейчъ, Войнаровская, Лядовъ и др.

Словарь выйдетъ въ шести выпускахъ. Подписка принимается въ Партійной экспедиціи P. Axelrod, Bd Pont d'Arve, 4. Подписчики, живущіе въ Россіи могутъ обращаться къ ней черезъ посредство комитетовъ Партіи. Цѣна всего изданія 4 рубля.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

меры наскоро раздали боевые патроны учебной команд'ѣ и вообще наиболѣе забитымъ матросамъ, остававшимся до сихъ поръ въ сторонѣ отъ волненій. По командѣ раздавались залпы, но всѣ выстрѣлы летѣли вверхъ. Наконецъ, мичманъ, и учебная команда перестала повиноваться и присоединилась къ остальнымъ матросамъ. Послѣ всѣхъ залповъ убитыми оказались только одинъ матросъ, котораго уложила пущенная изъ револьвера пуля офицера, и одинъ полковникъ, получившій ударъ камнемъ по головѣ. Между тѣмъ, изъ лагерей въ казармы наскоро перевели бѣлогвардейскій полкъ; солдатамъ роздали боевые патроны, и каждый ротный командиръ обратился къ своей ротѣ съ рѣчью, напоминая ей о „долгѣ присяги". Но рѣчи не производили на этотъ разъ должнаго впечатлѣнія. Почти не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ и фельдфебелей, солдаты громко переговаривались другъ съ другомъ. — Будешь стрѣлять? — А ты будешь? — А воздухъ на что? — Тамъ наши земляки! — За что я буду въ нихъ стрѣлять? Они намъ добра желаютъ! — Въ воздухъ надо стрѣлять, либо въ офицеровъ! Вспоминались всѣ обиды, плохая пища и пр. Офицера, видя такое настроеніе въ полку, трусили. Вотъ рѣчь одного ротнаго. (Храбрился) „Братцы! Помните долгъ присяги. Флотскіе эти — подлецы, негодяи. Прикажу стрѣлять — стрѣляйте сейчасъ же. А кто не будетъ стрѣлять, тому голову машкой снесу". (Струсилъ, послѣ минуты волненія). — А если и меня на штыки подымутъ, такъ мнѣ все равно". Полкъ цѣлую ночь продержали при оружіи, но вывести его не рѣшились.

Побѣда осталась за матросами. На другой день ихъ пускали уже куда угодно, безъ всякихъ билетовъ. Раньше же пускали только „по служебнымъ обязанностямъ" и только по билетамъ. Конечно, начальство не замедлило принять свои мѣры. Часть матросовъ, наиболѣе активная, была переведена на судна. Возбужденное настроеніе продолжало проявляться и здѣсь. На днѣпръ миноносцы отказались грузить уголь; матросы встрѣтили и проводили командира свистомъ. Въ заключеніе всѣхъ событій послѣдовали аресты. Арестовано свыше 100 матросовъ. Кромѣ нихъ, было арестовано около 25 портовыхъ рабочихъ, такъ какъ въ портѣ была сдѣлана попытка забастовать и присоединиться къ матросамъ. На улицѣ арестовано два неизвѣстныхъ интеллигента. Наканунѣ „бунта" мѣстная организація, „Крымскій союзъ", распространила листокъ „Къ солдатамъ" въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ первый разъ удалось распространить воззваніе въ самой казармѣ. Въ то же время этотъ же листокъ и значительное число брошюръ были распространены на цѣломъ рядѣ судовъ. На утро послѣ „бунта" „Крымскій союзъ" распространилъ на Корабельной гдѣ флотскія казармы) листокъ „Пора" въ количествѣ 700 экз. Затѣмъ были выпущены къ портовымъ рабочимъ два листка съ призывомъ забастовать и присоединиться къ матросамъ.

Черезъ нѣсколько дней Чухнинъ, котораго матросы пока видятъ всѣ по единаго, явился, наконецъ, въ казармы на смотръ и произнесъ рѣчь. Онъ говорилъ о томъ, какъ произошло государство и какъ его трудно перестраивать; говорилъ, что къ „бунтамъ" подстрекаютъ „враги инородцы" и что зачинщиковъ надо выдавать. Недавно въ порту во флотѣ и арміи *три дня подрядъ* распространяли брошюры Богдановича. Начальство вообще серьезно встревожено, несмотря на стихійный характеръ „бунта". Теперь Чухнинъ уже смѣщенъ. Казармы брестскаго полка находятся рядомъ съ флотскими. Солдаты и матросы — прежде враги — посѣщаютъ теперь другъ друга, сходятся обнявшись, о чемъ то шушукаются. Чухнинъ телеграфировалъ царю, что „бунтъ носитъ явно политическій характеръ". Возбужденіе какъ среди матросовъ, такъ и среди солдатъ продолжается (въ газетахъ сообщено о преданіи военно-морскому суду 35 матросовъ. *Ред.*).

О причинахъ матросскаго возмущенія намъ сообщаетъ слѣдующія подробности одинъ товарищъ-матросъ:

По распоряженію Главнаго Морского Штаба, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ болѣе тысячи матросовъ были назначены для отправленія на дальній востокъ и тогда же росписаны по экипажамъ крейсеровъ №№ 1, 2, 3. Они содержались вмѣстѣ съ другими матросами въ огромныхъ казармахъ одной изъ флотскихъ дивизій, гдѣ помѣщалось болѣе 15000 человѣкъ, среди которыхъ подавляющее большинство — призванные изъ запаса. Въ условіяхъ гражданской жизни они успѣли забыть былую военную муштровку, и суровый казарменный режимъ, настойчиво проводимый адмираломъ Чухнинымъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, страшно озлобилъ ихъ, все болѣе обострая то смутное, но глубокое недовольство, съ которымъ они шли на призывъ при мобилизаціи. Вначалѣ неясно сознанное негодованіе противъ преступнаго царскаго правительства зрѣло все болѣе; это правительство затѣяло ненужную войну, вторгало ихъ отъ мирной жизни, предало ужасамъ нищеты ихъ осиротѣвшія семьи и самихъ ихъ готовилось послать на бойню. Разговоры съ молодыми матросами, среди которыхъ уже давно ведется социалъ-демократическая пропаганда, содѣйствовали тому, что смутное недовольство превращалось въ сознательную ненависть къ самодержавному порядку. Нелѣпые приказы адмирала Чухнина, оскорбительные для личнаго достоинства солдата, подливали масла въ огонь. Въ цѣляхъ усиленія дисциплины, адмиралъ, подъ угрозой наказанія, рѣшительно запретилъ матросамъ показываться на главныхъ улицахъ города Севастополя, Морской и Екатерининской, на другихъ улицахъ было запрещено появляться въ обществѣ женщинъ, кто бы онѣ ни были, матери, жены или знакомыя, особые патрули подъ командой прапорщиковъ флота наблюдали за исполненіемъ этого. Женатымъ матросамъ не разрѣшались отлучки на квартиры. Особенно возмущало матросовъ объявленіе, вывѣшенное на Приморскомъ бульварѣ, въ немъ, на ряду съ обычными „травы не мять, собакъ не водить" значилось: „нижнимъ чинамъ не входить" („собакамъ и солдатамъ входъ воспрещается", говорили въ казармахъ).

Варшава. Мобилизація въ Варшавскомъ округѣ вызвала стачный протестъ со стороны всего населенія. Въ крупныхъ городахъ почти ежедневно происходятъ столкновенія между полиціей и толпой, или между казармами и запасными призванными на службу. Особенно сильны волненія въ Варшавѣ. Мѣстные комитеты всѣхъ партій выпускаютъ громадное количество листковъ призывая рабочихъ всѣхъ гражданъ къ открытому протесту противъ мобилизаціи, противъ войны, противъ самодержавія. И повсюду приходится круто. Съ демонстрирующими рабочими обычно очень легко справлялось при содѣйствіи войскъ, и такъ какъ до послѣдняго времени рабочіе еще не могли дать войскамъ дружнаго вооруженнаго отпора, то самодержавіе выходило всегда побѣдителемъ. Но теперь картина рѣзко измѣнилась. Призывныя запасныя, правительство принуждено было снабдить ихъ оружіемъ, и вотъ во многихъ мѣстахъ запасные вооруженные самимъ же правительствомъ, обрушились на него же. Присѣдящимъ самодержцамъ очень легко было направить солдатъ противъ рабочихъ, но теперь нужно было сдѣлать противъ запасныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ такія же мундиры, вооруженныхъ той же винтовкой, по которой своимъ перестрѣляли и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ удалось заставить направленныхъ стрѣлять въ запасныхъ. [illegible] предоставить настроеніе солдатъ, когда ему приказываютъ [illegible] своего же товарища по полку и даже [illegible] приходится и спать подъ одной крышей, и [illegible] Чепелевомъ и Бутно запасные [illegible] провожую войною, какъ теперь ихъ называютъ всюду [illegible] и ихъ пришлось силою гнать [illegible] на нихъ [illegible] ихъ вагоны, они продолжали кричать „долой самодержавіе" и революціонныя пѣсни. Вѣтеранамъ-матросамъ [illegible] ѣды, откуда ?, не явилось къ [illegible] начальникомъ [illegible] выборъ партія запасныхъ, въ 1000 человѣкъ, предназначенная [illegible] плеченіе мобилизированныхъ частей, отказалась [illegible] ихъ скотскіе вагоны и только послѣ долгихъ, трехъчасовыхъ [illegible] ній и обѣщаній пересадить ихъ въ пассажирскіе вагоны [illegible] послѣ ареста 80 человѣкъ, наиболѣе протестующихъ — они уступили. По поводу мобилизаціи выпущены были листки военно-революціонной группой, гдѣ запасные призывались къ открытому протесту противъ войны и отказу итти на бойню, призывались въ ряды Р. С-Д Р. П. для совмѣстной борьбы противъ существующаго соціальнаго и политическаго строя.

Офицеръ.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Царскій манифестъ и положеніе нашихъ нефабричныхъ рабочихъ. — 20 лѣтъ обязательнаго страхованія на случай болѣзни въ Германіи.

Царскій манифестъ обѣщаетъ рабочимъ государственное страхованіе. Даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. предполагая, что даваемое теперь обѣщаніе, дѣйствительно, будетъ сдержано, можно быть увѣреннымъ, что изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ выйдетъ *никуда негодный* проектъ, который лишній разъ только подтвердитъ, что фабричное законодательство можетъ быть хорошимъ демагогическимъ средствомъ въ рукахъ Зубатовыхъ, но не можетъ явиться дѣйствительнымъ факторомъ въ улучшеніи положенія рабочихъ, безъ активнаго участія заинтересованнаго класса въ этомъ самомъ законодательствѣ и въ вышедшихъ изъ него учрежденіяхъ. Если предыдущее рабочее законодательство оказывалось хотя сколько нибудь полезнымъ рабочему классу, то лишь постольку, поскольку на стражѣ каждаго закона стояла сознательная воля пролетаріевъ отстоять завоеванное тяжелой борьбой право. А многочисленные слои пролетаріевъ, до сихъ поръ мало или вовсе не принимавшихъ участія въ этой борьбѣ, такъ и лишены были даже этихъ жалкихъ благъ законодательства и попрежнему остаются жертвами самой безчеловѣчной и ничѣмъ не ограниченной эксплуатаціи. Трудно сказать, сужденъ ли еще будетъ самодержавію, дни котораго несомнѣнно сочтены, — сужденъ ли ему еще будетъ провести въ жизнь обѣщанный законъ, но соціалъ-демократія тотъ или иной исходъ дастъ въ руки новое агитаціонное средство и возможность втянуть въ экономическую и политическую борьбу эти обширные слои пролетаріевъ, которымъ мѣсто только въ нашихъ рядахъ.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ наши сельско-хозяйственные рабочіе, о которыхъ мы, однако, распространяться не будемъ, оставляя бесѣду о нихъ до другого раза. Но и среди городскихъ рабочихъ имѣются многочисленныя категоріи, живущія подъ совершенно особымъ режимомъ, или, если хотите, общимъ режимомъ россійскаго безправія, которое, однако, тѣмъ тяжелѣе ложится на данную группу, чѣмъ ниже то мѣсто, которое она занимаетъ на соціальной лѣстницѣ. Недавно газеты приводили свѣдѣнія о жизни портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, 70% которыхъ живетъ въ ночлежныхъ домахъ. Рабочіе нанимаются черезъ подрядчиковъ, въ рукахъ которыхъ остается около ½ заработка. Условія найма не регулированы, о жилищахъ не заботятся, ни больницъ, ни школъ, никакого вознагражденія въ случаѣ несчастій. Въ такомъ же положеніи находятся и портовые рабочіе и матросы въ прикаспійскихъ портахъ, и безправіе этихъ парій есть лучше всего характеризуется той 1261 ст. Улож. о наказ., которую бакинское портовое управленіе въ 1903 году помѣстило въ расчетныхъ книжкахъ для судовыхъ рабочихъ. Статья эта гласитъ: „корабельные служители или водоходцы, которые во время пути окажутъ корабельщику явное неповиновеніе въ исполненіи ихъ обязанностей, подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ, или тѣлесному наказанію хлыстомъ до пяти ударовъ по усмотрѣнію самаго корабельщика, или же, въ случаяхъ важныхъ, и аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ".

Не менѣе ужасно положеніе строительныхъ рабочихъ — каменьщиковъ, маляровъ, землекоповъ и т. д., — находящихся работу только во лѣтнее время. И для нихъ нигдѣ никакой защиты: какъ общее правило, за дни болѣзни или за дождевые дни здѣсь платы не выдаютъ; очень часто за прогульные дни вымаются штрафы, въ 2—2½ раза превышающіе заработную плату; рабочій день продолжается 13-15 часовъ; отвѣтственности за несчастные случаи, столь частые при этихъ работахъ, не существуетъ. — Не казиста и жизнь прикащиковъ, этихъ рабовъ прилавка, какъ назвала ихъ недавно одна нѣмецкая газета. Но, заговоривъ о прикащикахъ, мы чувствуемъ, что многіе изъ нихъ обидятся за то, что мы причисляемъ ихъ къ пролетаріямъ, такъ какъ они живутъ еще предразсудками прошлаго, когда каждый прикащикъ могъ еще мечтать стать самому хозяиномъ лавки въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но эти времена прошли. Устройство самостоятельнаго, могущаго выдержать конкурренцію торговаго дѣла требуетъ нынѣ весьма большихъ капиталовъ, а ростъ капитализма съ его постояннымъ разворенiемъ мелкихъ собственниковъ и мелкихъ ремесленниковъ ведетъ къ увеличенію предложенія труда между прочимъ, и въ торговлѣ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ пониженію заработка и усиленію эксплуатаціи наемниковъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя цифры: Въ *Одессѣ* огромное большинство магазиновъ открываетъ свои ворота въ 6-7 часовъ утра и закрываетъ ихъ въ 10-11, а иногда и въ 12 часовъ ночи, рѣдко гдѣ есть праздничный отдыхъ; времени на обѣдъ не дается и приходится ѣсть урывками тутъ же въ магазинѣ за прилавкомъ, отсюда катарры желудка и другія болѣзни, раннія старость и очень большая смертность. Въ *Ялтѣ* прикащики тоже работаютъ по 12—17 часовъ безъ перерыва на обѣдъ. Въ *Костровѣ* прикащики работаютъ безпрерывно 14-16 час., ѣдятъ и пьютъ урывками въ лавкѣ, пища часто совершенно застываетъ и, случается, даже замерзаетъ, вознагражденіе 10—35 рублей въ мѣсяцъ, но прослужившіе здѣсь 10-15 могутъ получать и больше, до 60 рублей. Въ *Смоленскѣ* рабочій день прикащиковъ 13, 15, 16 и болѣе часовъ. Отъ 15 до 17 час., не исключая праздниковъ, работаютъ также прикащики въ *Ставрополѣ* и въ городахъ *Ставропольской губерніи*. Въ *Москвѣ* рабочій день колеблется между 9 и 16 часами, но первая цифра встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ; жалованье 720-900 рублей въ годъ. И такъ вездѣ по всему лицу земли русской. Сильно страдаютъ прикащики отъ безработицы: потерявшій мѣсто прикащикъ рѣдко находитъ новое черезъ 2 мѣсяца, чаще же всего ждетъ полгода, 1 годъ, 2, 2½ и 3 года. Словомъ, нынѣшніе прикащики ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ отъ пролетаріевъ не отличаются и могутъ искать выхода изъ своего положенія только въ совмѣстной борьбѣ со всѣмъ рабочимъ классомъ.

Отъ прикащиковъ перейдемъ ко желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Желѣзнодорожныя предпріятія являются высшей формой крупнокапиталистическаго хозяйства со всѣми сопровождающими его явленіями, слѣдовательно, и съ рѣзко выраженной противоположностью классовыхъ интересовъ. Несмотря на это, только рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ принимаютъ сейчасъ активное участіе, какъ въ стачечной, такъ и въ политической борьбѣ россійскаго пролетаріата. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ другіе рабочіе и служащіе слишкомъ разрознены по роду своихъ занятій и также тѣмъ кастовымъ духомъ, который ее питаютъ и поддерживаютъ въ нихъ начальство, раздѣляя ихъ на отдѣльныя категоріи по чинамъ, рангамъ, жалованью и т. п. Какъ среди прикащиковъ, здѣсь живутъ спеціальные предразсудки, которые только обезоруживаютъ начальству его варварскую эксплуатацію этихъ самыхъ «особо непріятныхъ». И въ то время, какъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ добились 10-ти часового рабочаго дня, для прочихъ служащихъ остается крайнимъ предѣломъ 16-ти и 24-хъ часовой рабочій день.

* * *

Страхованіе, которое русское правительство теперь обѣщаетъ, уже много лѣтъ существуетъ въ Германіи, но если рабочій классъ этой страны сумѣлъ сдѣлать изъ этихъ законовъ могучее оружіе въ своей борьбѣ противъ привилегіонныхъ господствъ капитализма, то объясняется это высокой степенью сознательности и организованности, а отнюдь не попеченіемъ правительства, которое, напротивъ, стремилось *парализовать* этотъ законъ, какъ только замѣтило, что его разсчетъ отвлечь рабочихъ отъ соціалъ-демократіи оказался ошибочнымъ. До 1883 года въ Германіи существовалъ лишь законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, — законъ, очень похожій на дѣйствовавшій у насъ до прошлаго года и требовавшій, чтобы рабочій на судѣ доказалъ виновность предпринимателя или его агентовъ. Забота же о больныхъ, старикахъ и лицахъ, неспособныхъ къ труду, лежала на общинахъ или была предоставлена частной благотворительности. Само собою разумѣется, что даже при крайне ничтожной помощи, бюджеты городскихъ общинъ были сильно отягчены и особенно страдали въ эпохи промышленныхъ кризисовъ. Вопль общинныхъ совѣтовъ по этому поводу не прекращался во все продолженіе семидесятыхъ годовъ. И это была *экономическая* причина новаго соціально-политическаго законодательства. Но еще болѣе правительство руководилось политическими соображеніями, т. е. борьбой съ соціалъ-демократіей. Императорское посланіе отъ 17 ноября 1881 года заявило, что необходимо двигаться „не только по пути подавленія соціалъ-демократическихъ стремленій, но и по пути положительнаго спосо?йствованія благу рабочихъ". Точно также, во введеніи къ внесенному 3 марта 1881 года законопроекту о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, мы читаемъ: „При обсужденіи закона 21 октября 1881 года объ общеопасныхъ стремленіяхъ соціалъ-демократіи, было указано на необходимость бороться противъ печальныхъ явленій, вызвавшихъ этотъ законъ, — бороться и путемъ положительныхъ мѣропріятій, цѣлью которыхъ должно быть улучшеніе положенія рабочихъ. Не только человѣколюбіе и христіанское ученіе, которыми должны быть проникнуты государственныя учрежденія, обязываетъ государство заботиться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде, о своихъ нуждающихся въ помощи членахъ, но это входитъ также въ задачи разумной консервативной политики, цѣлью которой должно быть воспитаніе въ неимущихъ классахъ, которые въ то же время являются наиболѣе многочисленными и наименѣе освѣдомленными, загляда, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе. Съ этой цѣлью необходимо предоставить имъ черезъ законодательство рядъ очевидныхъ, прямыхъ выгодъ и такимъ образомъ убѣдить ихъ, чтобы они видѣли въ государствѣ учрежденіе, не изобрѣтенное только для защиты лучше обставленныхъ классовъ, но служащее и ихъ потребностямъ и интересамъ". Несмотря на это краснорѣчіе, названному проекту не суждено было стать закономъ, такъ какъ буржуазное большинство парламента находило, что онъ слишкомъ много даетъ рабочимъ, и вотировало противъ него. Въ слѣдующемъ году правительство внесло, поэтому, новый „исправленный" проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и одновременно другой „проектъ закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни". Первый проектъ и на этотъ разъ былъ отвергнутъ, а второй сталъ закономъ и введенъ въ дѣйствіе 1 декабря 1884 года. Такъ какъ въ то время еще надѣялись, что рабочіе пойдутъ на закинутую правительствомъ удочку и отвернутся отъ соціалъ-демократіи, то имъ была предоставлена наивѣтвая доля самоуправленія въ больничныхъ кассахъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ соціалъ-политическихъ законахъ самоуправленіе совершенно отсутствуетъ. Но и на этотъ разъ были приняты мѣры къ тому, чтобы въ опредѣленный моментъ бдительное око начальства могло вмѣшаться. Въ большихъ городахъ, поэтому, — тамъ, гдѣ неутомимой долгой работой рѣзко сплоченному, привыкшему къ дружной работѣ и знакомому со всѣми полицейскими ухищреніями, пролетаріату удалось преодолѣть массу мелкихъ и крупныхъ препятствій, больничныя кассы стали образцовыми учрежденіями, дѣйствительно выполняющими тѣ требованія, которыя вправѣ предъявлять къ нимъ рабочій классъ. Но все это сдѣлано не благодаря закону, а вопреки ему. Рабочій, продающій свою рабочую силу, тѣсно связанную съ его личностью, имѣетъ право требовать, чтобы предпринятель принялъ всѣ мѣры къ сохраненію этой личности. Точно также рабочій вправѣ требовать, чтобы часть вычитаемой изъ него прибавочной стоимости была употреблена на содержаніе его во время болѣзни и на его лѣченіе. Что же сдѣлалъ германскій законъ? Онъ возложилъ на рабочаго ⅔ взноса въ кассу, а на хозяина — только ⅓. Онъ въ высшей степени затруднилъ дѣятельность больничныхъ кассъ, раздробивъ ихъ на множество мелкихъ съ разными названіями фабричныхъ, цеховыхъ, профессіональныхъ и т. п., причемъ правительство весьма часто, по непонятнымъ для непосвященнаго изъ тайны полицейской политики причинамъ, стаяло цѣлый рядъ реакціонныхъ попытокъ сліянія мелкихъ кассъ. Несмотря на самоуправленіе кассамъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать въ свободномъ выборѣ врачей, и очень часто тамъ, гдѣ врачи сдѣлали кассамъ тяжелыя, невыполнимыя условія, они находили правительство на своей сторонѣ. Существованіе аптечной монополіи отнимаетъ у кассъ возможность сколько нибудь заботиться объ удешевленіи лекарствъ. Собираемый кассами богатый статистическій матеріалъ съ указаніемъ причинъ заболѣваній далъ бы имъ возможность принять тѣ или иныя мѣры къ устраненію этихъ причинъ, но тутъ они встрѣчаютъ неисчислимыя препятствія и въ законѣ и въ предпринимателяхъ. Смѣшанный характеръ кассъ состоитъ изъ рабочихъ и предпринимателей не даетъ имъ возможности использовать агитаціонно имѣющіяся у нихъ матеріалъ о санитарномъ состояніи фабрикъ, о заболѣваемости и смертности въ различныхъ производствахъ и т. п. Е тъ еще другіе недочеты, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что онъ въ очень малой степени могутъ удовлетворить германскихъ рабочихъ. Поскольку онъ оставилъ просторъ ихъ самодѣятельности, они сдѣлали изъ него все возможное и даже больше возможнаго.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Новая газета.

Мы получили объявленіе объ изданіи новой соціалъ-демократической газеты „Впередъ". Какъ явствуетъ изъ него, газета издается „литераторами, группировавшимися ранѣе около В. Бончъ Бруевича и Н. Ленина" и намѣрена проводить въ жизнь принципы, руководящіе дѣятельностью названныхъ писателей.

Такимъ образомъ, направленіе, нынѣшнее въ широкомъ жаргонѣ подъ именемъ „твердаго", получаетъ возможность свободно высказаться по всѣмъ вопросамъ партійной политики. Этому нельзя не радоваться, потому что та узкая сфера организаціонныхъ вопросовъ, которою до сихъ поръ почти исключительно занимались литераторы, „группирующіеся около Бончъ Бруевича и Ленина", не давала возможности широкой массѣ товарищей выяснить себѣ политическій характеръ даннаго направленія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Александру. Зайте черезъ Дикаго. Вашъ адресъ [illegible] пойдетъ.

Въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ первый выпускъ „Справочнаго словаря по теоріи исторіи и практикѣ соціализма" подъ редакціей Плеханова, изданіе Дейтайзена. Въ составленіи словаря принимаютъ участіе: Плехановъ, Кельсенъ, Вл. Воровскій, Олоницкій, Старовѣръ, Мартовъ, Ленинъ, Засуличъ, Аксельродъ, Бакшеевъ, Потресовъ, Интернаціонъ, Ленгъ, Войнаровскій, Либердовъ и др.

Словарь выйдетъ въ шести выпускахъ. Подписка принимается въ Партійной экспедиціи P. Axelrod, Ed Pont d'Arve 1. Подписчики, живущіе въ Россіи могутъ обращаться въ заграницу посредствомъ комитетовъ Партіи. Цѣна всего изданія 5 рублей.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere, 27, Genève.